

Екатерина Дей

Амир

Часть III

Екатерина Дей
Амир. Часть III

«Издательские решения»

Дей Е.

Амир. Часть III / Е. Дей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903256-0

Третья часть из серии книг Екатерины Дей «Амир» в жанре любовного фэнтези продолжает рассказ о вожде хасов, превратившем себя в Тёмного ради спасения своего народа. Сложные взаимоотношения Амира и человеческой женщины Рины развиваются на фоне борьбы с внешними врагами, предательства и воздействия Силы народа хасов, категорически несогласной с выбором своего вождя.

ISBN 978-5-44-903256-0

© Дей Е.

© Издательские решения

Амир Часть III

Екатерина Дей

© Екатерина Дей, 2018

ISBN 978-5-4490-3256-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Мужская логика иногда бывает очень интересной. Я не сразу поняла, что именно присутствие Роберта в моей каюте привело Амира в состояние задумчивости. На мой вопрос, как дела, он лишь взглянул косо и сообщил:

- Мы возвращаемся домой.
- Амир, никто не пострадал в нападении?
- Не бойся, я смогу тебя защитить.
- Я не боюсь, но ракета...
- Корабль оборудован так, что никакая ракета не сможет в него попасть.

И опять тяжёлый взгляд тёмных глаз. Я отвернулась к окну и вздохнула, ну конечно, как только мы выезжаем – сразу масса проблем из-за моей охраны, надо тихо сидеть в будуаре и даже по дворцу не двигаться. Прав Амир, только там мне и место, никому никаких проблем.

Амир ходил по каюте медленными шагами и о чём-то думал, и думы были мрачными, тяжёлыми настолько, что он спрятал руки в карманы. Странно, обычно руки у них всегда свободны, в карманы их убирают только тогда, когда стремятся себя в чём-то остановить, это никак не привычка, это – движение внутреннего контроля. Что же такое произошло, что Амир вынужден себя держать? Я не выдержала и спросила:

- Амир, что-то случилось? Тебе ...тяжело находиться рядом со мной?

Во мне вдруг проявился страх, что опять наступила жажда, и он изо всех сил держит себя, поэтому такой контроль. Он резко остановился и обернулся ко мне:

- Ты меня боишься?
- Нет, но ты так ходишь и молчишь... я не понимаю и волнуюсь...
- О ком ты волнуешься?

И такой пронзительный взгляд, что я вся сжалась и опустила голову, смогла только прошептать:

- О тебе...
- Только обо мне?

В голосе было столько иронии, что я удивлённо посмотрела на него. Амир стоял, высоко подняв голову и ехидно скривив губы. Мгновенно похолодев, вдруг с кем-то случилась беда, я спросила:

- Что-то с Мари, или с Фисой, в школе... Амир, не молчи, скажи!

Взгляд немного посветлел, и усмешка превратилась в едва заметную улыбку. Но он отвернулся к окну и лишь через некоторое время ответил:

- С ними всё хорошо.

Облегчённо вздохнув, я пожала плечами: откуда такая ехидная ирония, в чём он опять меня обвинил, ведь только спала и говорила с Яной. О том, что я буду спрашивать, он знает, явно смотрел по дороге, чем жена занимается. Потом только Роберт и был, всего несколько слов произнести успел. И сразу картинка в голове пронеслась, как Амир моего доверия доби-

вался на уступе скалы, он тогда спросил, кто мне нужен – Вито или Роберт. Вито женится на Мари, а Роберт... весёлый балагур и артист, который позволяет себе демонстративно восхищаться мной. Его женой и собственностью. Я уже открыла рот, чтобы возмутиться, но поняла, что на самом деле не хочу ничего Амиру доказывать, оправдываться в своих поступках. Сказал, будь собой, вот и буду, а ему придётся учиться меня понимать, учиться жить.

Мы молчали долго, Амир рассматривая что-то за окном, а я, отвернувшись от него, и рисуя вилкой по столу никому не известные узоры. Неожиданно поймала себя на мысли, что не боюсь за Роберта: Амир уже не сможет его убить или сослать на дальние рубежи, только он может меня спасти в сложной ситуации. Именно он неоднократно руководил моим спасением, даже Амиру диктовал действия. Сейчас уже есть этот самый ближний круг, он уже сформировался – Яна, Вито, Алекс и Роберт, Фиса. И Амиру будет сложно мне объяснить исчезновение Роберта, если он на самом деле стремится меня понять и заслужить моё доверие. И судя по последовавшему тяжёлому вздоху, Амир это тоже осознаёт.

Женщина должна быть мудрее, хотя бы по своей красоте, как говорит Фиса, и я спросила:

– Долго нам ещё добираться до дома?

Амир явно обрадовался, что я первой заговорила, сразу обернулся и сверкнул синевой:

– Мы уже причаливаем, и ещё несколько часов на машине.

Опять пройдясь по каюте, Амир встал передо мной и спросил:

– Ты хочешь домой?

– А есть предложение?

– Есть. Мне нужно заехать к одному человеку.

– Человеку?

– Да.

Амир сел за стол передо мной и сцепил руки. Я ждала продолжения и наблюдала за его руками, они явно волновались, длинные пальцы изображали спокойствие, но я уже знала, что так он держит руки только при сильном волнении.

– Рина, я хочу познакомить тебя с хасом. В нём теперь чистая кровь, все примеси исчезли. У его семьи тоже.

Я подняла глаза и увидела настоящий взгляд вождя, который гордится представителем своего народа.

– Кровь вернулась.

– Да. Этот человек осуществляет связь с другими хасами. Он помогает мне в возрождении народа.

Я не знаю, почему задала этот вопрос, он прозвучал раньше, чем я успела что-то подумать:

– Ему можно доверять?

Амир удивился моему вопросу, вскинул сразу потемневшие глаза:

– Почему ты в нём сомневаешься?

– Я не сомневаюсь, я его даже ещё не видела. Амир, я не знаю, почему задала этот вопрос. Мой растерянный взгляд почему-то успокоил Амира, и он улыбнулся:

– Всё под контролем моей разведки.

Машину вёл Алекс, я едва сдержалась, чтобы не хихикнуть – вождь есть вождь, убрал Роберта с глаз долой хоть на время поездки. У меня было двоякое чувство: с одной стороны возмущение на такое попрание моих прав, как женщины, с другой приятно грело подозрение, что Амир меня просто к Роберту ревнует, к его лёгкости в общении со мной. Ведь у него самого пока так не получается.

Амир посадил меня на колени и прижал к себе, рука позволила некоторую вольность, погладив по спине, я выпрямилась и изобразила грозный взгляд, даже бровки приподняла.

Голубизна сверкнула, и Амир засмеялся, наконец, ушло напряжение от размолвки на корабле, оказалось, что он её тоже переживал.

Положив голову на грудь Амиру, я смотрела на проносящиеся мимо скалы и думала о том, что он не может со мной использовать все свои навыки хитро-мудрого ирода. Он или молчит, или говорит откровенно, понятно, что чаще всего откровенность бывает вынужденная из-за моего физического состояния, как было на корабле и около кристалла. Фиса права, я его просто чувствую сердцем и всем телом, никакие попытки обмана в наших отношениях невозможны, и Амир это понимает. А Роберт всего скорее показывает ему, что со мной можно и нужно быть откровенным. Мне так легче, ведь пришёл перед самым появлением Амира, который был уже совсем рядом и всю сцену явно услышит или даже увидит. Вот он ближний круг. Они его знают и понимают его состояние, всю сложность наших отношений, знают меня, тоже уже натерпелись, и, каждый по-своему, пытаются нам помочь.

Высокий дом стоял в центре небольшой долины, окружённый великолепным садом и витой металлической оградой. Алекс медленно ехал по центральной дороге, и я с удовольствием рассматривала огромные деревья, стоявшие вдоль дороги ровным строем, мелькавшие среди листвы беседки, и фонтаны, сверкающие на солнце разноцветными бликами воды.

Наша машина проехала мимо крыльца со львами и въехала в ворота гаража, которые сразу закрылись. Нас уже ожидал высокий совершенно седой мужчина с яркими голубыми глазами. Амир вышел из машины со мной на руках и произнёс несколько слов, мужчина кивнул, и мы прошли в дом. Только в зале, который столовая, Амир опустил меня на стул и представил:

– Рина, познакомься Андрэ Бальзак.

Однофамилец великого писателя подошёл ко мне и подал руку, сказал несколько слов на французском.

– Рина.

– Андрэ хотел бы познакомить тебя со своей женой и дочерью.

– Хорошо, я рада буду с ними познакомиться.

– Ани говорит на русском, изучала в институте.

Я только радостно кивнула, хоть самой поговорить можно, без очень краткого перевода Амира.

Жена Андрэ оказалась обычной женщиной своего возраста, немного говорливой и очень простой, она сразу подошла ко мне и протянула руку, крепко тряхнула жёстким рукопожатием, больше похожим на мужское. Совершенно седые волосы были убраны в пучок на затылке, черты лица крупные, но не резкие, красивые яркие голубые глаза сразу мне улыбнулись.

Дочь немного задержалась, и Андрэ показал на портреты, висевшие на стенах. Амир перевёл рассказ о предках семьи:

– Семья Андрэ владеет этими землями уже около трехсот лет, тот седой старик спас жителей близлежащих деревень во время чумы, используя лекарство, которое создал сам. А женщина в белом помогала Гарибальди... это восстание...

– Я знаю кто такой Гарибальди.

Удивление проскользнуло смешинкой в глазах Амира, а Андре стал радостно размахивать руками и рассказывать подробности из жизни своей героической родственницы. Амир улыбался, искоса посматривал на меня, и не счёл необходимым переводить весь рассказ, почему-то моё знание о Гарибальди его поразило и обрадовало.

Появление дочери я почувствовала кожей, знала, что именно сейчас она войдёт, и что-то в моей жизни изменится. Да, это она, она должна быть именно такой – жена вождя. Ани была высокой, тонкая талия и широкие бедра при узких плечах, классическая фигура настоящей женщины. И при этом она не была худой, скорее даже плотненькой, именно той мягкой женской мягкостью. Но самое главное – это её лицо и глаза. Чёрные волосы, того цвета, как у Амира, оттеняли совершенную белизну кожи и правильные черты лица. А глаза... чистые

глаза праведницы. Большие голубые глаза светились чистотой и умом, невероятной добротой и женской лаской.

Ани подошла ко мне и улыбнулась самой прекрасной улыбкой, какую только можно представить:

– Рина, я Ани... я рада... видеть... знакомиться... я мечтала... тебя... знать.

Мне удалось вымучить из себя улыбку:

– Приятно познакомиться.

Амир встал, тревожно посмотрел на меня:

– Рина, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, всё хорошо. А можно мы в саду погуляем, пока ты...

– Рина... маленький сад... закрытый... стекло...

– В доме есть крытый сад.

– Ани, пусть они решают свои дела, а ты покажи мне сад.

Амир продолжал внимательно на меня смотреть, а я справилась со своим состоянием и подала Ани руку:

– Показывай.

– Рина...

– Всё хорошо, я засиделась в машине, хочу погулять.

Вот это я сказала, Амир слегка побледнел – как это я засиделась на его коленях – но ничего не стал говорить, резко отвернулся к Андрэ.

Ани вела меня по дому и тоже рассказывала о своих предках, насколько позволял словарный запас. Она сразу призналась мне:

– Я решить восстановить язык... Амир сказать... ты русская... мне всё интересно о тебе... прости... нельзя так говорить...

– Всё правильно, не переживай. Только я обычная женщина, ничего интересного.

– Рина... Амир выбирать тебя... он... он настоящий вождь... он не выбирать обычную...

Я указала пальцем на первый попавшийся портрет и спросила:

– Кто это, такое интересное лицо.

Ани рассказывала, а я смотрела на неё и понимала: всё правильно девочка, всё правильно, ты для него природой создана, народом и силой в пещере. Не королева, именно ты – кровь и плоть народа, который он воссоздал из тьмы веков. Поэтому в тебе и нет никакой примеси, кровь всё почувствовала, очистилась и готова продолжить род вождя. Уже столько чудес произошло, что очередное обязательно должно случиться, именно у Амира должен родиться сын, продолжатель династии, настоящая линия вождей народа хасов. И даже то, что Мари полюбила Вито, в котором его истинная кровь возродилась, тоже тому подтверждение, и у них будет продолжение, кровь не должна пропасть. А я энергетическая ступень на этом пути, моё предназначение помочь случиться этому чуду. Вот оно и произошло, наконец, я всё правильно поняла – встреча состоялась, предназначение сбылось.

Пальцы леденели, но я сжала их в кулак и приказала организму согреться самому. Я не позволю Амиру меня коснуться, не дам ему возможности спасать, и мы оба погибнем. То есть я и мой организм. Боль мелькнула острой стрелой в сердце, но пальцы постепенно согрелись, и оледенение прекратилось, организм всё понял правильно.

Садик действительно оказался небольшим, всего несколько пальм и кустарников, но цветник был великолепен. Розы невероятных размеров и расцветок гордо демонстрировали себя среди солнечных лучей. Ани призналась:

– Я сама... мама садовник... дочь садовник... я сама... садить... и растут... цветут первый раз... Амир пришёл... когда... цветут... зацветут...

– Зацвели, когда пришёл Амир.

– Да... он приходит и розы...

Ани смутилась, румянец вспыхнул заревом на лице, и она отвернулась к замершей пальме. Сколько же тебе лет, девочка? Двадцать, может двадцать два, самый тот возраст – возраст любви и счастья. А розы тебе показали, кто это счастье принесёт. Я представила их вдвоем, Амира и Ани, ему лет тридцать пять, ей двадцать, оба красивы как боги – молодой седой вождь и его прелестная юная жена.

Абсолютное спокойствие камня превратило меня в статую, даже руку поднять сложно, и чтобы хоть немного прийти в себя, я спросила:

– Ты сказала, что твоя мать дочь садовника?

– Да... папа полюбит мама и... как это... бежать... папа мой папа простить много лет и ...жить в этот дом.

Тоже неравный брак оказался, судьба значит такая у всех, кто предназначен следовать за вождём. Хотя почему, это кровь друг с другом их соединяла: почувствует своего и сразу любовь. А ведь она его уже любит, как покраснела, но чиста, это не Люси, по головам не пойдёт.

Ани, наконец, справилась с собой и, помахав рукой для лучшего понимания, спросила меня:

– Папа рассказать о твоей... боль... ужас... как ты мог?

Даже так, а почему нет, всё правильно, жена вождя должна быть готова ко всему, даже к тому, что вождь – ирод.

– Ты знаешь – кто Амир?

– Да... Амир сам сказать... показать... объяснить... рассказать народ хасов... мы есть народ... папа помогать Амир.

Ани всё знает, понимает, принимает его сущность и любит. Она с такой болью в глазах смотрела на меня, что я не смогла говорить и лишь хрипло произнесла:

– Смогла.

Она решила, что я так свою боль вспомнила, сразу извинилась и вдруг порывисто обняла меня:

– Простить, Рина, простить, я ...нельзя говорить, боль... твой... простить мой, ты страдать за Амир... спасти Амир... благодарна твой... за Амир... твоя жизнь... моя жизнь... моя жизнь тебя... тебе...

Я резко оттолкнула её от себя и громко сказала:

– Ани, никогда не говори так. Твоя жизнь... она твоя... и народа.

Она испуганно распахнула глаза и сжалась, от этого взгляда я пришла в себя:

– Ани, прости меня.

Теперь уже я обняла её и прошептала на ухо:

– Ты самая прекрасная девушка и у тебя будет счастливая жизнь. И жизнь только твоя, слышишь, она...

– Рина, что случилось?

Амир оказался рядом с нами и смотрел тёмным тревожным взглядом.

– Ничего. Амир, мне нужно с Ани ещё поговорить. Мы тут... мужчин обсуждаем, не подслушивай. Иди.

Ани растерянно смотрела то на меня, то на Амира, и ему ситуация совсем не нравилась. Я не знаю, каков был мой взгляд, но он опустил голову и, постояв секунду, исчез. Вот и хорошо, я вдруг совсем успокоилась, пусть потом послушает, или сейчас, его дело, а с девушкой я должна поговорить без него. Взяв Ани за руку, я спросила:

– А где можно посидеть?

– Сидеть?

– Скамейка какая-нибудь есть?

Я что-то изобразила рукой, и она догадалась, кивнула и повела меня к стене напротив.

Мы сидели на красивой резной скамеечке, а я никак не могла найти слова, чтобы объяснить этой девочке, что ей предстоит. Наконец я решилась:

– Ани, слушай меня внимательно.

Сложность состояла ещё в том, что язык она знала плохо, мне пришлось смотреть на неё, чтобы удостовериться, что она поняла меня. Ани кивнула, скорее догадавшись, чем поняв слова.

– Ани, жизнь можно отдать только любимому мужчине, тому, кто для тебя... сама жизнь.

– Любить?

– Да.

Ани быстро взглянула на меня и тем выдала себя с головой: она любит Амира, и уже готова отдать ему свою жизнь. Вот и хорошо.

– Амир настоящий вождь, он достоин того, чтобы за него отдать свою жизнь.

Она непроизвольно кивнула головой, когда поняла смысл моих слов, и так же непроизвольно спросила:

– Ты любить Амир?

– Нет. Я лишь передала ему свою энергию, ты знаешь, о чём я говорю.

Я ответила сразу, потому что сформулировала фразу заранее, пока молчала. И у меня хватило сил спокойно посмотреть Ани в глаза.

– Рина, мы едем домой.

Амир стоял перед нами грозной скалой, но всё уже сказано, и девочка меня правильно поняла. Не дав попрощаться с Ани, Амир подхватил меня на руки, и мы оказались в машине.

Я не сопротивлялась рукам Амира, когда он посадил меня на колени и обнял, сама прижалась к его груди.

– Рина...

– Всё хорошо.

Слёз не было, сердце билось спокойно, никаких чувств, в голове пустота. Амир поднял моё лицо и посмотрел тяжёлым тёмным взглядом. Я прошептала:

– Поцелуй меня.

Поцелуй прощания навсегда, когда огонь сжигает всё внутри, яростно полыхает безнадёжностью, потому что мечты уже нет, она исчезла в словах. Амир почувствовал моё состояние, но остановиться не смог, его губы горели страстью, которая только возродилась и требовала насладиться всеми ощущениями. Ещё немного и он опять меня сломает, но пусть лучше боль, а лучше смерть, чем этот огонь безнадёжности в крови.

– Амир!

Алекс оказался на страже, последнее, что я увидела, это его жёлтые глаза, они сверкнули в темноте боли, и я потеряла сознание.

Небо гремело и сверкало, море бушевало гигантскими волнами, а ветер кидался брызгами в окно, стараясь достать до меня. Фиса сидела у постели на пуфике и молчала. У меня не было ничего поломано, только синяки по всему телу, которые она залечила за ночь. Амир сидел с другой стороны постели и тоже молчал. Вчера говорить было невозможно, потому что Фиса запретила, а сегодня, потому что я отказалась говорить. Так и заявила, когда утром увидела Амира:

– Я не хочу ни с кем говорить.

– Рина...

– Амир, ты ни в чём не виноват. Я не хочу ни с кем говорить. Ни с кем.

Гроза прошла, появилось солнце, и я попросила:

– Пусть приедет Мари.

Амир обрадовался и сразу исчез, а Фиса подозрительно взглянула на меня и спросила:

– Что ты надумала?

- Ничего.
- Говори.
- Баба-Яга права, меня нельзя расколдовывать.
- Почему ты так решила?

Я не удивилась нормальной речи Фисы, явно с какой-то целью она говорила на этой странной смеси фольклорных слов.

- Каждый должен исполнить своё предназначение, выполнить свой долг.

Подчеркивая слово «свой», я надеялась, что она поймёт, но она сделала вид, что не поняла и спросила:

- Какой – свой?
- Амир вождь, он спасает свой народ, исполняет свой долг.
- Фиса кивнула и собрала губы в бантик, продолжай.

– Я исполнила свой, отдала ему требуемую по закону энергию. И буду дальше отдавать... пока смогу.

Взгляд Фисы потемнел, но она опять кивнула, а я лишь пожала плечами:

- Всё.
- Говори.

Амир уже вернулся, стоял рядом с постелью и смотрел глухой чернотой.

- Ты же слышал.

Так мы и молчали до приезда Мари: Фиса замерла от какой-то своей мысли, Амир отошёл к окну, когда понял, что я больше ничего не скажу.

Мари влетела в комнату и схватила меня за руку:

- Рина...

– Мари, я так рада тебя видеть. Мари, всё хорошо, мне тебе только сказать надо, очень важное...

- Рина!

– Слушай. У тебя самый лучший в мире отец, он настоящий вождь, глава всего, он сделает для тебя всё и вы с Вито будете счастливы.

- Рина, почему ты так говоришь?

– Мари, ты любишь Вито и понимаешь, что у всех должна быть любовь и счастье, настоящее счастье.

Она кивнула и растерянно обернулась на Амира, который встал рядом с ней и спрятал руки в карманы. Я не стала на него смотреть и улыбнулась Мари.

- Твоему отцу нужна жена...

- Ты моя жена...

- ...настоящая жена, которая будет любить его, понимать и будет с ним одной крови.

- Ты моя жена.

- Закон, ваша сила уже приготовили её для твоего отца, она уже есть, любит его и ждёт.

Её зовут Ани, я с ней познакомилась, она удивительная, настоящая...

- Рина!!!

Крик Амира был таков, что вздрогнул весь дворец, но я даже не подняла на него глаз.

– Мари, она тебе понравится. Ани такая чистая и добрая, очень весёлая, вам будет хорошо вместе...

- Рина, послушай-ка меня.

- Фиса, тебе она тоже понравится, она розы выращивает...

- Баба-Яга это я.

- Что?

Наверное, только такое признание могло остановить меня в моей решимости. Фиса тяжело встала и подошла к Амиру, повторила:

– Баба-Яга это я.

Амир страшно побледнел и превратился в гигантскую скалу, но Мари кинулась к нему с криком:

– Отец!

– Я Рине кое-что скажу, а потом убивай.

Амир с места не двинулся, и, хотя скалистость осталась, рука обняла Мари, значит, готов слушать, а не захочет, так ему никто не преграда. Фиса повернулась ко мне и сложила по привычке руки на животе. Взгляд был спокоен и чист.

– Рина, я думаю, ты уже догадалась, что Баба-Яга через тебя совершает свою месть.

Я смогла только чуть качнуть головой – да, такая мысль была. Она опять повернулась к Амиру:

– Ты небось уже и не помнишь того паренька, которого в ирода превратил и убивать заставил? Многих он тогда... Семёном звали. Мне было семнадцать, свадьба наша уже была сговорена и назначена. Я ведь через это ведьмой и стала, силу в ненависти нашла.

– Ужгород.

Голос Амира тоже был спокоен, никакого волнения, только взгляд как два провала в ад. Фиса подтвердила:

– Ужгород.

– Анфиса.

Фиса только усмехнулась, вспомнил её настоящее имя.

– Почему меня не тронул? Рядом ведь была.

– Женщины мне были не нужны.

– Рина, он и тогда такой был, брал только то, что нужно... лишним брезговал.

Она помолчала, опустив глаза, тяжело вздохнула и подняла на меня свой ясный взгляд.

– Я стала такой ведьмой, что с твоим мужем были честными врагами. И Янину от него я тоже прятала, только не смогла уберечь, не довезли её до меня в очередной раз. А узнать он меня не мог, ничего от девушки той не осталось, которая к свадьбе с милым готовилась. Да и живу долго, не по человеческим меркам.

– Фиса... прости, Анфиса, а почему он тогда к тебе обратился, чтобы меня спасти?

Не могла я к Фисе как к врагу относиться, не могла и всё, я как будто смотрела сериал по телевизору: слова слышала, но никак их с ней не связывала. Фиса усмехнулась и повернулась к Амиру:

– А ты это у него спроси.

– Ты была честна в своей борьбе со мной. И только ты могла спасти Рину.

Амир говорил спокойно, но это спокойствие было таким, что наводило страх, в любое мгновение могло превратиться в разящий меч.

– Ты прав, только я. Рина, когда ты была на волоске, даже не волосок, пунктир, я тебе слово раздора послала, а уж ты сама его в Бабу-Ягу облекла. А когда ты выжила, поняла, что в тебе есть сила, настоящая, данная для того, чтобы у Тёмного душу спасти.

– А зачем сама спасала? Ведь могла просто не...

– Чтобы больше ему сделать. Когда душа стала просыпаться, да сердце вздрогнуло, вот тогда и боль настоящая могла настичь. Увидела я королеву, поняла, что любит он её, муж, готов жизнь за неё отдать, и придумала участь Амиру. Как полюбит тебя – так и погубить.

– А почему призналась? Поняла, что не дождёшься?

Фиса на меня посмотрела ласковым взглядом всё понимающей ведьмы, никак не убийцы, долго лелеющей в себе ненависть.

– Ты себе скажи спасибо.

– Себе?

– Рина, ты разрушила весь мой панцирь ненависти, которым я в жизни держалась. Я ведь как он, только силу и искала, ничем не брезговала, любое знание, хоть белое, хоть чёрное, всё на пользу. Сильна стала... да сила и душила меня, жить не позволяла. А ты боль свою никому не отдала, всю сама несла, слова не сказала в упрек никому. Понимала, что убивает тебя Амир, а ненависти в себе появиться не позволила, только любовь ко всем. Едва жива, и в чём только душа держится, а ещё и другим любовь посылаешь, остатки жизни отдать готова.

Опять обратилась к Амиру:

– И ты удивлял каждый день. С Мари всё понятно, дочь родная, а людей спасти ринулся, да так, что своих подставил под удар... это дорого стоит. Много нового из твоей жизни узнала за это время, неожиданного для себя, хотя и старалась всё о тебе знать.

– Я остался прежним иродом.

Пустой взгляд готовности к убийству и плотно сжатые губы, Амир смотрел на Фису, и было непонятно, как он отнёсся к её словам. А Фиса как не видела этого взгляда, ласково улыбнулась и обратилась к Мари:

– Ты не бойся, при тебе он меня не тронет, потом суд совершит.

Мари только прошептала:

– Фиса... Анфиса... я не понимаю...

– И ты во мне ненависть разрушала, школой своей для мутантов, добротой, лаской, которую я видеть в жизни не хотела, а потом уже и не могла.

– Роберт.

Оказалось, что по сторонам моей постели стоят Роберт и Алекс. После приказа Амира Роберт встал рядом с Фисой, но я крикнула:

– Подожди! Амир, я прошу, я хочу спросить, Амир!

Амир опустил голову на мгновение, но сдержался и кивнул Роберту, тот отошёл и опять встал рядом со мной.

– Фиса, почему ты сегодня решила признаться? Именно сегодня?

Она сложила губы бантиком и тихо засмеялась:

– Рина, ты в своём благородстве жизнь себе хочешь погубить, да и их жизни тоже, вот и пытаюсь остановить. Ты подумай, да их спроси, прежде чем умирать.

Мари вскинула на меня глаза и прошептала:

– Умирать? Рина, что ты надумала? Отец!

Последнее слово она крикнула, вырываясь из его рук, он отпустил её и поднял на меня чёрный взгляд. Фиса облегчённо вздохнула, вот и сказано всё, с плеч долой, теперь и на казнь идти можно, позвала Роберта:

– Веди, Родя, куда следует, в каземат тёмный, каменный.

Они исчезли мгновенно, а я только лицо закрыла руками, дышать было трудно, и я лихо-радочно всхлипнула. Амир оказался рядом и схватил за руку:

– Рина, дыши, дыши...

– Всё хорошо, сейчас пройдёт.

За другую руку меня схватила Мари, и потоки их энергии понеслись огненной лавой, уже через минуту я взмолилась:

– Всё, я дышу, всё хорошо.

Амир отпустил руку и склонил голову, а Мари вскрикнула:

– Рина, о чём говорила Фиса, почему умереть?

– Мари, всё не так, я лишь хочу...

– А ты меня...

– Амир...

– Я потом с тобой буду говорить.

Амир встал, но я взмахнула руками:

– Амир, я прошу... она... Фиса ведь во всём призналась... она помогла мне, спасла меня...

– Отец! Она столько спасла... Рину спасла, дети в школе...

Амир одним взглядом остановил нас и исчез.

2

Мари заставила меня рассказать всё. Она действительно дочь своего отца, не только своей деятельной натурой, но и умением быть, не иродом конечно, но как оказалось достаточно жёстким и умным следователем. Неправильное слово, но единственное, которое пришло мне как определение в нашем разговоре. Как только Амир ушёл разбираться с Фисой, она встала и отошла к окну.

– Мари... он её не тронет, не убьёт, она ему нужна.

– Нужна.

Ко мне повернулась другая Мари, которую я не знаю. Куда делась юная девушка, весёлая и влюблённая шаловница, передо мной стояла дочь вождя со строгим взглядом, плотно сжатыми губами и изменившимся лицом. Амир в состоянии гнева.

– Рина, расскажи всё.

Всё так всё, и я рассказала о поездке к Андре Бальзаку. Мой спокойный тон она не приняла, так и стояла, сложив руки на груди и внимательно рассматривая меня строгим взглядом.

– Мари, она удивительная, она настоящая, такая как ты. Я это чувствую, понимаешь, всей кожей, умом, не знаю – чем, но чувствую. Ани красавица, молодая, она в возрасте рождения детей. Твой отец столько всего пережил... он... не жил все эти годы, только боролся со всем миром за тебя и свой народ. А сейчас он восстановился, у него всё должно быть... и жена должна быть настоящая, молодая и красивая. Её для него сила ваша создала. А я по предназначению батарейка, чтобы силу ему дать, как только он вернул... всё... так она сразу и появилась.

– И ты решила умереть?

– Нет, я не понимаю, почему Фиса так сказала. Я буду рядом, всё, что смогу для вас сделаю. Ани тебе по возрасту подходит, вы будете подругами...

– Я старше её на шестьсот лет.

– Мари, ты юная девушка, эти годы на самом деле ничего не значат...

– Значат.

И как волна по лицу прошла, Мари отвернулась и спросила, коснувшись ладонью стекла:

– Ты действительно не любишь отца?

– Я... Мари, всё сложно...

– Говори.

Она оказалась передо мной и наклонилась к моему лицу:

– Говори.

– Ани его уже любит...

– Я спросила тебя.

И я не выдержала этого жёсткого тяжёлого взгляда, закрыла лицо руками, спряталась от неё, а может от себя. Твёрдые пальцы развели мои ладони, и тот же взгляд требовал ответа. С трудом вздохнув, я прошептала:

– Я хочу, чтобы он был счастлив...

– Ты не ответила.

– Мари...

– Скажи правду.

– Я не умею любить! Не умею, я не знаю, как это, а он только мучается со мной! Ему нужно...

– Ты знаешь, что отец хочет на самом деле?

И тот же ироничный взгляд, и та же усмешка на губах. Мари резко поднялась и опять отошла к окну.

– Мы тебе не нужны?

– Мари, как ты можешь такое говорить!

Навернувшиеся слёзы сразу высохли, я возмущенно взмахнула руками, вскочила с кровати, обняла её, и она сразу перестала быть грозной дочерью вождя, превратилась в маленькую девочку, обиженную судьбой.

– Я люблю вас, вас всех, мне с вами так хорошо, как ни с кем не было, ты прекрасная девушка, просто удивительная, лучшая в мире!

– Рина...

– У тебя всё будет, Вито любит тебя, вы будете счастливы!

– А ты? А отец?

И опять этот строгий взгляд, она коснулась моей щеки пальцами, провела так, как это делал Амир, и я вздрогнула.

– Почему ты бежишь от отца?

– Я не бегу...

– Зачем хочешь отдать его другой?

– Он вождь и его народ... он... должен...

– Ты не ответила, любишь ли ты его.

Я лихорадочно обняла её, слезы хлынули из глаз и сквозь рыдания прошептала:

– Люблю... только я не для этого... я батарейка... а он вождь... у него другая судьба... я в ней ничего не значу... отдала энергию... и можно выбросить...

– Глупая! Ты такая глупая! Рина, ты такая глупая дурочка!

Мари обнимала меня и плакала вместе со мной, неожиданно закурила по комнате, и мы обе рухнули на постель. Она прижала меня к себе и зашептала:

– Рина, ему никто кроме тебя не нужен, ты нам всем нужна, никакая ты не батарейка, слово смешное придумала. А народ... это работа, как моя школа, работа, понимаешь, а ты это жизнь, он живёт рядом с тобой. Он так на тебя смотрит каждый раз, ты не видела, он улыбается, ты сердисься, а он смотрит на тебя и улыбается. Он руку свою... обнимает тебя, а потом руку свою держит, тепло помнит, твоё тепло. Ты такая глупая, за нас с Вито боролась, против отца пошла, а сама за себя бороться не хочешь, ты – трусишка!

Она чмокнула меня в щёчку и засмеялась, утёрла мои слёзы горячими пальцами и повторила:

– Трусишка, ты храбрая трусишка. В пещеру пошла, когда отец ничего не понимал, убить мог, а ты сразу кинулась его спасать. Я видела на записи.

– А ты тоже смотришь записи с моей жизнью?

– Да. Отец... он сказал... учись жить.

– Мари, это же ужас, как можно по мне учиться жить!

– Рина, я видела всё... как ты терпела боль...

– Мари, а вот об этом я совсем не хочу вспоминать...

– Это я тоже видела. Фиса права, ты всю боль несла сама, ни с кем даже говорить не хочешь. Почему?

Мари прижалась ко мне, обняла и даже осмелилась погладить по голове.

– Боль не то чувство, которым делятся. Радость, счастье, любовь – этим надо делиться, а боль... она всего лишь боль. За болью только Пустота.

И вдруг Мари задала вопрос, от которого я вздрогнула:

– Рина, ты не хочешь, чтобы отец заполнил твою пустоту? Потому что боль из-за него?

Мари смотрела на меня чистым и ясным взглядом, в котором уже была тоска о невозможном – ведь если я его не могу простить, значит, и любить не могу. Ответить было сложно, я молчала, и она заплакала.

– Мари, дело не в боли.

– А в чём?

– Мы очень разные, ему сложно со мной... а мне с ним.

– Но ты ведь не уйдёшь?

Я с сомнением посмотрела на неё, интересно, а как она это представляет, как вообще можно от такого как Амир уйти? Она поняла меня и сразу успокоилась, выдала свой вердикт:

– Отец научится.

– Чему?

– Жить с тобой.

Удивительная девушка, истинная дочь своего отца – она сразу ищет выход из любого положения. Размышления о состоянии безнадёжности наших отношений с Амиром длились несколько минут: как только она поняла, что есть надежда на то, что они в принципе возможны, и дело только в моих сомнениях, сразу назначила отца ответственным. Именно его, не меня, странно, но мне позволено всё, а он должен учиться и искать подходы ко мне.

– Мари, я счастлива, что ты есть.

– Я?

Удивление было таким искренним, что я чмокнула её в щёчку.

– Ты. Я бы не смогла выдержать всего, что случилось, если бы не ты и... Фиса.

Глаза Мари сразу потемнели, и она вздохнула.

– Мари, Амир ничего ей не сделает.

– Фиса предала его.

Теперь наступила моя очередь вздыхать – предала. Я сильнее прижала её к себе, постаралась прикрыть собой. Как же мне хочется защитить эту удивительную девушку от жизненных трагедий, вот таких, когда сердце болит от поступков очень близких тебе людей.

– Амир должен понять, что она проходит тот же путь, что и он.

– Какой?

И сразу внимательный взгляд яркой голубизны.

– Фиса тоже учится жить, она всю свою жизнь только ненавидела, а ненависть... не то чувство... с ним не живёшь.

Мари вдруг подскочила и, сверкнув глазами, заявила:

– Ты сомневаешься в отце, потому что Баба-Яга! Это слово раздора мешает тебе! Сейчас её не будет, и ты...

– Будет.

В дверях стоял Амир и смотрел на нас провалами вместо глаз. Мари прижала руки к груди и прошептала:

– Будет? Почему будет? Ведь Фиса...

– Она не может снять свои слова. Их никто снять не может. И наступит момент, когда они...

Он не договорил, отошёл к окну и упёрся в стекло лбом. Такого отчаяния я ещё никогда не видела, казалось, что он начнёт биться головой от невозможности что-то изменить. Мари с ужасом посмотрела на меня, догадалась – слова на смерть, не только на раздор, как только Баба-Яга поймёт, что Амир любит меня, она меня убьёт. А в моей голове всё сложилось.

– Амир, сила хасов всё рассчитала правильно.

Он с трудом обернулся ко мне, плечи опущены и страшная боль в глазах.

– Что она рассчитала?

– Она хочет меня спасти, поэтому Ани и появилась.

– Объясни.

Он всё понял сразу, пока я ещё говорила, на мгновение проявилась голубизна, но опять исчезла в глухой темноте.

– Ты женишься на ней, по-настоящему полюбишь её, и вы будете жить счастливо. И я останусь жива.

Я не знаю, откуда у меня нашлись силы говорить спокойно и смотреть в глаза Амиру. Организм замер и не знал, что делать, оледенение не наступало из-за моей твёрдой решимости довести дело до логического конца. Пережив поцелуй прощания, я уже ничего не боялась, всё так, как я подумала в доме Балзака: не хочешь добровольно – заставим. Сила хасов существовала тысячи лет, она создала самого мудрого и сильного вождя перед испытанием исчезновения целого народа. Только такой как Амир мог выжить все эти столетия и вернуть свой народ. И он должен поступать в соответствии с этим планом: жениться на той, кто для него предначертан, кто родился специально для него. Для продолжения рода самого сильного вождя народа хасов. Эти мысли помогли мне выдержать страшный взгляд Амира.

– Рина...

– Амир, не говори ничего, молчи, ничего не изменить. Мари, я хочу остаться одна, я прошу, Амир... пожалуйста...

Я закрыла лицо руками, сложно всё время быть сильной, когда-нибудь броня пробивается изнутри и рассыпается осколками невозможности. Мягкие пальчики Мари коснулись моей руки и исчезли, через мгновение я почувствовала, что Амир взял меня на руки и куда-то сел.

Море опять бушевало и кидалось в стекло каплями.

– Уходи, я прошу тебя, уходи...

– Я не уйду. Ты никогда не останешься одна.

Он гладил меня по волосам, иногда касался губами, прижимал голову к своей груди. И я заплакала, слезы тихо лились и оставляли на щеках горячие дорожки, Амир касался их пальцем, убирал, но следующая слеза уже катилась вслед. Сквозь всхлипы я прошептала:

– Прости, я сейчас успокоюсь, я... всё правильно...

– Что правильно?

– Я тебя не люблю, а Ани любит, сразу полюбила... розы сказали ей, что ты её судьба.

Руки Амира замерли, а я попыталась встать, но бороться с ними это как чугун разгибать, и, осознав безнадёжность, мне пришлось продолжить свою безумную речь на его коленях. Утерев ладонками щёки и вздохнув, я заговорила:

– Амир, я не люблю тебя, это не настоящая любовь. Я на самом деле не умею любить, мне сейчас плохо, очень тяжело, потому что... потому, что я очень надеялась, мечтала... о любви, мне казалось... когда-нибудь ты... я... в общем, может бы и получилось. Ани любит тебя сейчас, она удивительная, очень настоящая, добрая, ласковая... а я... ты на мне первые свои моменты чувственности... так получилось... на мне как... тренировался для Ани. Понимаешь, я только ступенька к твоему настоящему счастью... ты проснулся рядом со мной от своего долгого сна, а жить, как вождь... и как мужчина... будешь с Ани. Амир, она прекрасная девушка, настоящая жена вождя, она уже мудрая, всё понимает, и уже сейчас готова ради тебя на всё... Она будет слушаться тебя во всём, понимать тебя, никаких разборок и непониманий... и её не надо будет спасать от... собственной глупости, как меня. Амир, теперь всё будет правильно, спокойно, ты... ты будешь счастлив, а я... я... буду... где-нибудь очень далеко от вас. Амир, а можно меня к кристаллу, там комнатка есть, или в горы, помнишь, домик, где мы с Фисой...

Я замерла, не надо было о Фисе говорить, но в порыве описания своей будущей тоскливой жизни совсем забылась.

– ...песни... я учила... Амир, она лишь орудие... она... Анфиса... это закон. Отпусти меня.

Но Амир только сильнее меня к себе прижал, руки стали такими обжигающими, что я почувствовала их через одежду.

– Амир, ты уже... чужой муж, ну, почти. Отпусти меня.

– Я твой муж.

И вдруг он издал звук, очень похожий на хихиканье, но так как грозный вождь хихикать не может априори, то я решила уточнить и посмотрела на него. Амир улыбался и глаза светились голубизной.

– У меня будет гарем.

Он вскочил, чмокнул в щёку, уложил меня на постель и исчез. А я лежала в полной растерянности, неужели Амир на самом деле собирается... Гарем?!?! Моё возмущённое пыхтение прервал Роберт.

– Рина, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Что с Фисой?

– С ней говорит Амир.

– Где она?

– В доме.

Роберт устроился на полу и взял меня за руку.

– Только не говори мне, что...

– Амир её не убьёт.

– Я знаю.

– Рина, то, что сделала Анфиса...

– Она спасла меня, если бы не она, я бы не выжила... тогда. И потом она меня спасала. Могла и сейчас промолчать... всё так и должно быть. Подожди, дай сказать. Закон прав... Амир вождь и у него должна быть настоящая жизнь. Я батарейка и ступенька... и ещё что-нибудь, аппарат для восстановления вождя. Вот. А для настоящей жизни родилась Ани. И не спорь со мной.

– Я не спорю.

Мысль о гареме раздражала, и Роберт попал под это состояние. Думать о том, что я вообще-то могу просто погибнуть в любой момент из-за возможных чувств Амира я не хотела, так как не верила в это. Как говорила одна моя учительница: гормоны выиграли от долгого воздержания, но любовь к этому отношения не имеет. Мне больно от собственной очередной наивной надежды, которую судьба задавила сразу, предъявив настоящую претендентку на любовь избранника. И то, как Амир радостно решил организовать гарем, только подтвердило его истинное желание. Вроде как и я остаюсь в собственности, не обидел немедленным разводом, и настоящая жена, молодая и красивая, под боком совершенно официально. Недоверие к Амиру поднялось в душе гигантским ледяным айсбергом.

Роберт не мешал думать, держал за руку и внимательно меня рассматривал, может мысли слушал.

– Ты мысли читаешь?

– Нет. Но они иногда очень заметны на твоём лице.

– И что ты сейчас увидел?

– Ты не аппарат, ты – удивительная человеческая женщина.

– Я так не думаю, значит, ты всё неправильно понял.

– Мы так думаем.

– А где Мари?

– Она с Амиром.

– С Фисой разговаривает?

– Да.

Ну да, обсуждают возможности моего спасения путем создания гарема вождя. Интересно, кто будет старшей женой? И я ещё интересуюсь?! Буду умывать и готовить Ани, а может и не только её, к ночи с вождем... ну, уж, нет – в море, горы, в пески! Я решительно спросила Роберта:

– Скажи, а в песках у Амира есть владения?

– В песках? В пустыне?

– Да, в пустыне, в скалах пещера, ещё что-нибудь поглубже и подальше. А ещё вход забетонировать и кормить через окошечко. Хотя, и кормить не надо. Быстрее будет.

– Быстрее – что?

– Ничего. Так есть в пустыне домик?

– Есть.

– Вот и хорошо, вези.

– Кого?

– Меня. Прямо сейчас.

Роберт немного ошалел от моих слов, даже головой помотал, пытаюсь уложить приказ в своей голове. Когда всё сложилось, кивнул:

– Хорошо. Только Амиру доложу, что ты на прогулку собралась.

– Не надо ему докладывать, он сейчас... будет сильно занят, ему некогда. А я совершенно свободная, практически разведённая женщина, куда хочу, туда и еду. Понял?

– Понял. Надолго прогулка?

– Нав-сег-да. Много одежды мне не нужно, я сейчас халатики соберу, да пару тапочек, в пустыне же тепло?

– Тепло.

Я встала с постели, пошла в гардеробную, но халаты же не там, захлопнула дверцу, направилась в бассейн и встала на пороге. Вся поверхность воды была заполнена алыми лепестками роз, я лихорадочно закрыла лицо ладонями, постояла несколько секунд, но не дала воли истерике, решительно направилась к раздевалке и сняла с плечиков два халата. Хватит, ненадолго прогулка.

Роберт стоял у окна и смотрел на бушующее море, только молний не было, тучи тяжело висели и готовы были раздавить волны своей тяжестью. Я кинула халаты на постель и вернулась в бассейн за тапочками, стараясь не смотреть на алую поверхность, осветившую всё пространство своим невероятным цветом. Но не выдержала и рухнула на колени, уткнулась лицом в тапочки, рыдания вырвались, и я не смогла их остановить.

– Рина...

Амир опустился рядом и попытался отвести мои руки с тапочками от лица, но я лишь мотала головой и продолжала рыдать.

– Рина, куда ты собралась?

– Уходи... я уезжаю... в пустыню.

– Почему в пустыню?

– Там тепло.

– Поедем...

– Нет, я поеду одна, Роберт меня отвезёт... не важно куда... подальше от тебя, от всех... замуровать...

Он попытался обнять меня, но я замахала тапочками:

– Не трогай меня! Не смей!

Я отползла от него и забилась в углу, выставив перед собой тапочек.

– Не смей ко мне прикасаться!

– Рина...

– Уходи! Нет, это я уйду, и тапочки мне не нужны, мне ничего от тебя не нужно, в халате... Роберт!

Роберт оказался за спиной Амира, но границу не посмел пересечь, только тоскливо смотрел на меня.

– Рина...

– Амир, всё решено, всё сказано, отпусти меня, я прошу, отпусти, я не смогу жить в гареме, я в пещере поживу, мне немного осталось...

Боль плескалась огнём по телу, вихрилась и сжигала всё на своем пути. В какой-то момент появилось лицо Амира, и я крикнула ему, что это последняя сила, больше ничего нет, нечего отдавать и он может отпустить меня из этой боли.

Баба-Яга сидела на скамеечке, задумчиво уперев подбородок на кривой посох.

– Ну вот, всё и отдала, силы больше нет, и жизни больше нет. Сама выбрала, я тебя предупреждала, Тёмным помогать нельзя, а ты всё любовь да любовь. Он тебя как лучинку сжёг, краешек темноты на мгновение осветил, вот ты ему и поверила. А теперь знаешь, для чего зажигал.

– Знаю.

Собственный голос прозвучал неожиданно громко, казалось, что вокруг огромное пространство, а не маленькая избушка.

– Я ни о чём не жалею.

– Не жалеешь... может и так. Только ведь сил жить у тебя больше нет.

– Значит, я исполнила предназначение.

– Ироду ещё сотни лет дала, чтобы он своё чёрное дело делал. Да ещё и таких же как он расплодил. С другой, сама его ей отдала, на блюдечке преподнесла.

– Она для него родилась, а он её дождался.

– Так легко отдаёшь?

– Отдаю.

– Вместе с жизнью?

– А зачем она мне теперь? Мне без него жизни нет.

Неожиданно зазвучала тягучая музыка, и я не услышала ответ Бабы-Яги. Музыка лилась в пространстве, поднималась в неведомую высь, возвращалась тонкими переливами, кружилась вокруг меня, закрывая собой Бабу-Ягу, которая постепенно растаяла как мираж.

Двигаться совершенно невозможно, я чуть моргнула веками и сразу боль пронеслась по всему телу. Я же умерла, откуда такая боль, в смерти же боли нет.

– Рина, не двигайся, молчи.

Голос знакомый, я опять попыталась открыть глаза и опять боль оказалась такой сильной, что я застонала.

– Рина, не двигайся, ты потерпи немного, я молю тебя, потерпи.

Фиса. Это её голос умолял потерпеть, значит, я ещё жива. Что-то прохладное невесомо коснулось моего лица, и Фиса опять попросила:

– Рина, ты терпи, милая, терпи, скоро тебе легче будет.

Скоро наступило через много лет, мне так показалось. Я не понимала времени, только боль от любого движения, иногда даже прикосновение пёрышка изводило меня так, что я теряла сознание. Голоса я не узнавала, даже Фису перестала слышать, жила в каком-то вакууме, от боли до боли, если её нет, значит – живу, если есть, то хочу умереть.

Но всё проходит, прошло и это состояние, в какой-то момент я почувствовала, что просто лежу, и нигде не болит. Страх, что боль вернётся, держал меня ещё долго, я старалась не двигаться, и не открывать глаз, почему-то движение век приносило особенно сильную боль.

– Рина.

Я вздрогнула всем телом и с ужасом ждала приступа боли, но она не появилась, и я постепенно расслабилась.

– Рина, попробуй шевельнуть пальцем.

Мизинец едва шевельнулся, но Фиса увидела, и я услышала облегчённый вздох.

– Глаза не открывай, и не шевелись. Амир.

Касание было таким нежным, что я его почувствовала только тогда, когда он осмелился взять мой мизинец в свои пальцы.

– Рина, я с тобой.

Я не ответила ему, никак не показала, что услышала, мгновением вспомнилось всё произошедшее, и я не знала, как себя вести. Мягкие губы коснулись мизинца, и я опять вздрогнула, тихий шёпот сразу извинился:

– Прости.

Прошло ещё много сонных дней и бессонных ночей, прежде чем Фиса разрешила мне открыть глаза, а потом говорить. Они с Амиром всегда были рядом со мной, когда бы я ни приходила в себя. Иногда я слышала голос Мари, но она только обращалась ко мне по имени и сразу начинала тихо плакать, и Амир отправлял её из комнаты.

Амир сидел рядом и держал меня за руку, он уже не пытался говорить со мной, понял, что я не буду ему отвечать. Фиса стояла у окна и смотрела на дождь, пытавшийся успокоить гигантские волны, бушующие в некоем длительном сумасшествии. Она уже несколько дней как предложила мне говорить, но я молчала.

Я ни о чём особенном не думала, время проходило в пустоте, которая опять меня заполнила. Только одна мысль всё чаще тревожила, хотя я и старалась не думать именно её: зачем Амир меня спас, почему не отпустил, всё бы уже закончилось, никаких проблем никому, в особенности ему? Уже женился бы, народом занимался в свободное от ласк молодой жены время. Лежу недвижимая, совершенно бесчувственная и ревную, смешно.

Между собой они тоже не говорили. Фиса поила меня настоями из трав, оборачивала во всякие всякости, Амир помогал ей, перекладывал меня, стараясь лишний раз провести пальцами по коже, но я никак не реагировала на его прикосновения. Больше никто не появлялся: ни Алекс, ни Роберт, ни Вито.

В один из очередных безмолвных дней появилась Мари с девочкой-змеёй в красном платье. Амир сердито что-то сказал ей, а я почему-то воспротивилась приказу:

– Пусть подойдёт ко мне.

Голос от криков боли и долгого молчания звучал как истёртая пластинка, я сама не очень поняла звуки, но Амир расслышал и кивнул девочке, она сразу подползла ко мне. Я просипела:

– Как тебя зовут?

– Ася.

– Ты откуда?

– Из Москвы.

Я удивлённо вскинула на неё глаза, значит, это другая девочка, не та, которую я видела в школе в тот давний обед, ну да, тогда Мари переводила. Тёмные волосы собраны в косичку, красивое личико, яркие карие глаза и милая улыбка. Только лоб великоват для такого маленького ребенка.

– Сколько тебе лет?

– Десять.

Она устроилась на кровати и взяла мою руку.

– Ты болеешь.

– Болею.

– Хочешь, я тебе помогу вылечиться?

– Не знаю.

– А почему ты не знаешь?

– Просто не знаю.

– Так не бывает. Всегда знают, хотят жить или нет, ты хочешь жить?

– Не знаю.

Девочка сощурилась и вдруг весело рассмеялась колокольчиками:

– А я знаю, ты запуталась, неправильно подумала, а теперь страдаешь. Ты запуталась в словах.

– В каких словах?

– Ты услышала не те слова, надо было слушать своё сердце, а ты услышала чужие мысли.

– Чужие?

– Да.

– Я не слушаю чужие мысли, я не умею читать мысли.

– Тебе их сказали.

– Сказали мысли?

– Да.

Строгий голос Амира спросил:

– Кто сказал?

Ася совсем не испугалась, обернулась на него и спокойно ответила:

– Я не знаю, я просто вижу чужие мысли.

– Как ты их видишь?

– Они красные, их сразу видно. Она человек, а как тебя зовут?

– Рина.

– Рина человек, ей можно сказать мысль, и она её запомнит.

– Баба-Яга сказала?

Фиса спросила чуть дрожащим голосом и тяжело вздохнула, опустив плечи.

– Я не знаю – кто, я только вижу, что у Рины есть красные мысли. Но их можно стереть, это не больно.

Мари встала рядом с ней на колени и напряжённым голосом спросила, взяв в свои ладони маленькие пальчики девочки:

– Ася, ты сможешь?

– Да.

Амир подошёл и на всякий случай встал рядом с девочкой. Она улыбнулась ему и опять не испугалась:

– Ты не переживай, с Риной ничего не случится, я умею.

Ася посмотрела на меня странным взглядом, очень пронзительным:

– Ты потеряешь сознание, но это не больно.

Удар энергии уронил меня на подушки, и я рухнула в темноту.

Ася лежала на постели рядом со мной и тихонечко пела песню о вагончике. Я сразу представила героев мультфильма и улыбнулась.

– Рина, как ты?

Они все стояли вокруг постели: Амир, Мари и Фиса.

– Хорошо, нигде не болит... кажется.

Я пошевелила пальцами ног, подняла руку.

– Не больно.

– Я же сказала – это не больно.

Амир строго посмотрел на Асю и уточнил:

– Чужих мыслей нет?

– Нет, только Рины.

Я сразу поинтересовалась:

– А какие у меня мысли, какого они цвета?

– Как солнце... жёлтенькие.

Ася поднялась и опять взяла меня за руку.

– Ты больше не болей, хочешь, я тебе помогу вылечиться?

– Я не знаю.

– Помогай.

Но Ася, несмотря на грозный приказ Амира, продолжала внимательно наблюдать за мной, ждала моего ответа.

– Ася, я действительно не знаю...

– Знаешь, только боишься.

– Чего же я боюсь?

– Себя.

Я усмехнулась и опустила глаза, интересная девочка оказалась.

– Неужели я такая страшная?

– Ты сильная, только не веришь никому. Мне тоже не веришь. А я могу тебе помочь.

– И это ты чувствуешь?

– Я всё чувствую в человеке. Я тебя помню, ты к нам в школу приезжала, тогда тоже болела. А сейчас тебе помочь могу только я и он, больше никто.

Тоненький пальчик указал на Амира. И я решилась:

– Помогай.

3

Море бушевало и бушевало, я сидела у окна на троне из подушек и слушала Фису. Энергия Аси очень помогла мне, я почти сразу почувствовала себя лучше. Амир попытался вечером взять меня за руку, но я спрятала её под одеяло. Больше он ко мне не подходил, и когда я проснулась, его не было.

Утром Фиса заявила:

– Ты можешь меня ненавидеть, но я тебя подниму на ноги.

– Я тебя не... нене... не... ненавижу. Фиса, можно я тебя буду называть как раньше?

Анфиса другая женщина, я её не знаю.

– Рина, я не буду перед тобой оправдываться...

– Не нужно оправдываться. Как мне тебя называть?

– Как тебе удобно... пусть будет Фиса.

– Фиса, можешь ничего не говорить. И поднимать меня не нужно.

– Почему приняла помощь Аси?

– Она не виновата... Ася пришла помочь... нельзя обманывать ребёнка. Ей нельзя видеть... таких как я.

– Ты думаешь, она таких не видела? Которые жить не хотят?

Фиса озвучила моё состояние откровенно, так, как не мог говорить со мной Амир. Он считал во всём себя виноватым, никак понять не мог, что это моё решение, и в нём никто не виноват. Кроме меня, естественно. Фиса понимала меня, всю подноготную моих поступков чисто по-женски, ну и как ведьма. Она усмехнулась и встала передо мной.

– Асю нашли в сточной канаве, врачи определили, что она там прожила около пяти лет.

Один диггер её подкармливал, он и сообщил о ней, когда болезнь практически убила её.

– Кому сообщил?

– Разведчикам Амира.

У меня видимо было такое лицо, что Фиса несколько ехидно рассмеялась:

– Они есть везде.

Немного походив по комнате, она спросила:

– На море посмотреть хочешь?

– Хочу.

Появился Алекс, соорудил этот трон и аккуратно усадил меня на него.

– Алекс, я не инвалид, могу сама.

– Ты не инвалид.

И вышел. Я смотрела на бушующее море и думала о том, что вот добыюсь я своего – Амир женится на Ани и что? А ничего, вернусь к своей скучной, привычной жизни никому ненужности.

– Рина, позволь поговорить с тобой.

– Фиса, не надо из меня изображать жену вождя... которой я не являюсь.

– Я к тебе обращаюсь, не к жене вождя.

– Если ты собираешься...

– Нет. Я хочу сказать о тебе.

– Обо мне? Тогда говори, всегда интересно узнать о себе что-нибудь новенькое.

Я говорила с ней, а сама не оборачивалась, откинулась на подушку и продолжала думать свою грустную мысль. Я люблю Амира, люблю первой в своей жизни любовью, первой и единственной. Поэтому отдаю его Ани, он должен быть счастлив, этот седой вождь, переживший в своей жизни столько, что никому не осознать и не понять. А мне в особенности. Я просто люблю его, организмом и умом, сердцем и душой. Люблю.

– Рина.

– Я слышу тебя.

– Не отдавай его.

– Ты хотела что-то сказать обо мне, говори.

Фиса вздохнула и встала рядом, хотела взять меня за руку, но в последний момент быстро убрала свою ладонь, и сложила руки на груди.

– В тот день, когда ты отдала Амиру свою жизнь, ты должна была погибнуть, только не я тебя спасла. Ты сама, своим стремлением к любви, ты так о ней мечтала... и появление Амира превратило твою жизнь в ту реальность, которая была невозможна никогда раньше. Ты именно о нём мечтала, именно о таком мужчине, поэтому сразу узнала его и безропотно отдала ему то, что было нужно – свою жизнь. Никогда его не упрекнула, ни слова, только любовь. Ты любишь его с первого дня встречи, только не позволяешь ему приблизиться к себе, сама не позволяешь, остатки сил на это тратишь. И не веришь никому из-за этой любви, потому что боишься её. Ты боишься, что Амир тебя полюбит.

Фиса ждала реакции на свои слова, но её не последовало, я молчала. Она во всём права, но ответить, значит признаться, а Амир не должен знать, не должен, поэтому надо молчать.

– Рина, всё, что ты перенесла, человек не может вытерпеть... то, что... из-за меня...

– Фиса, мы договорились.

– Хорошо. Я свою любовь превратила в ненависть, потратила столетия на месть... и кровь на мне тоже... есть. А ты муки... нечеловеческие в любовь... вот и рухнул мой панцирь, не выдержал твоей любви.

Она вздохнула и едва коснулась моих волос, очень робко, как ребёнок.

– И Мари с тобой ожила, душой своей больной... не ребёнок и не женщина, шестьсот лет даром не проходят.

– Её Вито своей любовью...

– Вито мужчина и ирод. Он её просто любит, душой светлеет рядом с ней, только её душа тоже на кого-то опереться должна. А ты её своей любовью окружила, настоящей, не обманкой мачехи, видит она всё и чувствует... глаза твои, слова да песни.

– Песням ты меня научила.

И опять Фиса тихонько засмеялась:

– Я им выйти помогла, в звуки облачила, они жили в тебе, а ты их не выпускала, страхами заложила.

Она помолчала, ожидая реакции на свои слова, но я ничего не сказала, какой-то идеал получился, осталось нимб нарисовать.

– Рина, Амир тебя ждал...

– Он никого не ждал.

Мой тон был таким жёстким, что я почувствовала, как Фиса вздрогнула.

– Он никого не мог ждать... не умел ждать. И я... ты ошиблась, Фиса, я не люблю Амира.

Мир рухнул в омут бушующего моря. Я ничего не видела перед собой, только серость, всепоглощающую серость. Слез не было, я дышала ровно, и сердце билось в обычном ритме. За счастье любимого мужчины можно заплатить жизнью. Как Амир заплатил своей жизнью за жизнь Мари.

Я лежала в темноте и смотрела перед собой. Блики от лунного света отражались на потолке, волны гоняли лучи где-то внизу и потолок невероятным образом светился множественностью огоньков. Теперь я даже с Бабой-Ягой поговорить не смогу, Ася изгнала её из моей головы. И бежать некуда, может Амир и поверил моим словам, но вряд ли отпустит от себя. Хорошо, что сам не появляется, играть перед ним сложнее, чем обманывать Фису: даже если она и понимает меня, но спорить не может из-за собственного чувства вины.

– Рина.

Вздрогнув всем телом, я попыталась хоть как-то привести в спокойное состояние организм, но он так ликовал от звука любимого голоса, что смогла только спрятаться под одеяло.

– Рина, посмотри на меня.

Мотание головой под одеялом ни к чему хорошему не привело, Амир одним движением скинул его с меня, и я закрыла лицо руками.

– Рина... не будет никакого гарема. Ты моя единственная жена.

Я только сильнее прижала руки к лицу и свернулась в комочек отчаяния, нельзя ничего говорить, голос выдаст моё волнение. Амир взял меня на руки и куда-то пошёл. Он именно шёл, не передвигался мгновенно в пространстве, а медленно шёл, прижимая меня к себе. Я немного успокоилась от тепла его тела, вернее, жара, который не могла удержать ткань костюма. Казалось, он горит всем своим гигантским телом, полыхает внутренним огнём.

Наконец он остановился и прошептал:

– Рина, ты единственная женщина в моей жизни. Ты моя судьба.

Его руки прижимали меня всё сильнее, но он вдруг расслабился и опустился на колени.

– Перед священными записями народа хасов я клянусь исполнить супружеский долг мужчины и вождя.

Не успев осознать слова, я вздрогнула от потока ледяной воды, обрушившегося на меня, и почти сразу вспыхнул огонь, который виднелся яркими всполохами даже сквозь ладони. Несколько голосов сказали странное слово, и я развела дрожащие пальцы, вокруг стояли тёмные фигуры.

– Свидетельство.

Озираясь вокруг и пытаюсь понять, какое свидетельство, о чём говорит Амир, что происходит, я увидела Вито. Мягкая улыбка и яркий взгляд, он чуть кивнул мне, и вместе со всеми неожиданно встал на колени, громким хором прозвучало:

– Свидетельство.

Подрагивая всем телом, я прижалась к Амиру, опять ритуал, он что-то придумал, он поклялся мне в супружеской верности... не в верности, в исполнении супружеского долга! Мозг лихорадочно что-то думал, но организм отказывался его слышать, прижимался к горячему мужскому телу и радовался.

Амир встал, несколько раз произнёс мелодичную фразу, как куплет песни, хор мужских голосов вторил ему, один голос выделялся повторением самого высокого звука, и в этот момент пламя высоко поднималось, озаряя ковровый коридор. Когда прозвучало последнее слово, огонь вспыхнул так, что надписи на коврах одновременно проявились багровым цветом, пронесли движением по всему пространству стен, казалось, что ковры таким образом приняли клятву вождя хасов. Прижатая руками Амира я неожиданно стала задыхаться, воздух загустел, стал плотным и не двигался, вздох не получался. В попытке вздохнуть я откинулась, и Амир заметил моё состояние.

– Рина, что с тобой?

– Не ...могу ...дышать...

Невероятный свет пронзил глаза, и я ослепла, в абсолютной тишине зазвучал странный голос, даже не голос, а волна звука, но удивительным образом я её понимала – состояние недовольства и гнева. Этот гнев сдавил меня болью и страхом, тело перестало существовать, только сердце упорно продолжало биться, не поддаваясь давлению. Неведомая сила окружила сердце пламенем, и оно загорелось, боль была настолько сильной, что исчезло всё, ничего кроме боли и Пустоты. И в этой Пустоте проявился голубой лучик, прохладный и чистый, он пробил пламя и заискрился ярким светом по сердцу, остудил его, заставил биться. И неведомая сила отступила, исчезла боль, а с нею страх.

Нет сил на борьбу, нет сил на любовь, нет сил, их просто нет. Баба-Яга добила своего – силы закончились, а с ними и жизнь. Моя оболочка лежала на траве, рядом ласково шептало море, солнце старалось согреть мою ледяную кожу, а чьи-то руки пытались поделиться своей жизнью. Сквозь тяжёлый туман я услышала голос:

– Вито, Ася приехала.

Руки на мгновение отпустили мои пальцы, но их сразу схватили маленькие жёсткие проволоки, обернулись до локтя вязью и огонь пронёсся по венам.

Только на третий день, когда я уже совсем пришла в себя, могла самостоятельно вставать и подходить к окну, Вито рассказал мне, что произошло во время ритуала. Я стала задыхаться и потеряла сознание, а ковры светились багровым светом до тех пор, пока нас с Амиром не вынесли за пределы дома.

– Нас... с Амиром?

– Он тоже потерял сознание.

– А почему он, Вито, почему он? Сила не приняла меня, почему... она его наказала...

Я стала падать, и Вито подхватив меня, уложил на постель.

– Что с ним?

– Тебя спасла Ася, она сумела передать тебе нашу энергию.

– Вито! Что с Амиром?!

– Он всё ещё без сознания.

Страшная боль мгновением пронеслась по всему телу, и я закричала.

– Рина! Ася!

В сознание я пришла почти сразу, Ася обернулась вокруг меня всем своим маленьким тельцем, обняла ручками, даже лбом прижалась к моей голове. Вито прислонил свои руки к её спине и, заметив, что я пришла в себя, приказал:

– Фиса, заberi Асю.

Только когда Фиса подняла Асю на руки, я поняла, что девочка без сознания.

– Что с ней?

– Сил мало осталось.

Она унесла Асю, а я с ужасом подняла глаза на бледного Вито. Он тяжело вздохнул и признался:

– Ася с каждым разом теряет свои жизненные силы.

Странная мысль пришла мне от ужаса – я могу контролировать свою боль, голубой луч это я, это моя любовь. И она спасла меня, сила хасов должна была меня убить ещё там, но луч победил её. Ну, скажем, не совсем победил. Вито внимательно смотрел на меня, понял, что я о чём-то очень важном размышляю.

– Вито... расскажи мне, что был за ритуал.

– Амир выбрал тебя как жену вождя перед своим народом, ритуал представления жены хасам.

– В гарем?

– Да. У хасов не было единственной женщины.

– Тогда почему сила так... возмутилась?

– Она почувствовала, что для Амира ты единственная.

Перед Вито я не смогла ничего изобразить и тяжело вздохнула:

– Я права – сила выбрала для него Ани.

– Да.

– Но почему тогда Амир до сих пор без сознания?

Вито опустил голову и отошёл к окну. Я вскочила с кровати и схватила его за руку:

– Вито, почему, ты знаешь, скажи!

Но он молчал, смотрел на море, следил взглядом за парусом вдалеке. Наш маленький домик стоял на самом берегу небольшой бухты, в которой часто плавали парусники.

Проследив за его взглядом, я сразу поняла – Амир не придёт в сознание, пока я жива. Наказание, вот так: придумал тоже, силе целого народа указывать, самому выбирать себе жену. Тяжело опустившись на плетёное кресло у окна, я запела, вернее зашептала:

Все могут короли, все могут короли,
И судьбы всей земли вершат они порой,
Но что ни говори жениться по любви
Не может ни один, ни один король.
Не может ни один, ни один король.

– Вито, убей меня.

– Что?

Вито посмотрел на меня с высоты изумлённым взглядом и потрогал лоб мягкой ладонью. Я замотала головой и решительно вышла из домика. Дойти до моря мне никто не позволил, Вито подхватил на руки, а Фиса беспокойно крикнула от двери:

– Что с Риной?

Мой довод, что только тогда сила оживит Амира, когда я умру, Фиса выслушала и хмыкнула, а Вито лишь вздохнул и тронул свой лоб пальцем, тонко намекая на моё сумасшествие.

– Вито, Фиса, поймите, не даст она мне жизни, не даст! Амир сошёл с ума, решил с силой своего народа шутить! Он всего лишь вождь, исполнитель воли, а воля – она! И она уже выбрала ему любовь и счастье, настоящую, ту, которая достойна его, она... самая лучшая, самая красивая... самая... для него. Ему только это надо осознать. Я выполнила свою маленькую роль, и мне... мне... я не люблю его, и она это чувствует, она не допустит, чтобы Амир так ошибался...

– Она чувствует правду, которую ты не хочешь...

– Я знаю! Это не любовь... это чувственность, реакция тела... он проснулся... я рядом оказалась, вот он и... и я тоже... Вито, тебе нужно только... вы не помогайте мне, раз убить не можете, и Асю больше не зовите, незачем девочке так жизнью рисковать.

Закрыв глаза, я представила Амира, но ничего подумать не успела – жёсткая пощёчина чуть не свернула мне голову. Фиса смотрела гневным и презрительным взглядом:

– Опять вздумала бежать?

– Я... Фиса... больно же...

– Да если бы мой Семён... да хоть какой... да хоть лежал недвижимый, я бы весь мир перевернула, тазик этот... все скалы на него обрушила!

– Фиса, ты осторожнее...

– Да этой силе давно пора показать, что она всего лишь сила, а любовь – свет, душа, без неё никакая сила жить не сможет. Она только шарик, жизнь даёт, да счастья в ней нет!

Она гневно вскинула глаза на Вито:

– А ты, что ты без любви? Без Мари? Что ты без неё? И к чему тебе мощь твоя иродова без неё? Может сила эта и для Мари кого найдёт, достойного да по крови подходящего? Что делать будешь? Как эта курица умирать ляжешь?

Я посмотрела на Вито и поняла – Фиса права, кто знает, как сила себя поведёт. Заподозрив в самоуправстве вождя, она и его дочь может захотеть приструнить, теперь появляются хасы с чистой кровью, зачем дочери вождя какой-то ирод. Вито страшно побледнел и сжал кулаки.

– То-то и оно, Амира спасти надо, а не слёзы лить да дурными мыслями себя пугать.

Прижимая ладошку к горевшей щеке, я лихорадочно думала, мысли неслись сплошным потоком, ни одну я не успевала осознать, понимала – всё не то, не так, должно быть другое, как-то иначе...

– Вито, где Амир?

– Рина...

– Где он?

– В пещере.

– Где?!

– Нет, не в той. Это недалеко отсюда.

– Поехали.

– Рина...

– Поехали. Фиса, я поеду одна.

Она понимающе кивнула, и неизвестно из каких тайников маленького домика достала красивое цветастое платье.

– К мужу надо идти не в халате.

– Фиса, что бы я без тебя делала.

– Меньше бы мук приняла.

– Мы не будем об этом говорить. Красивое платье, Амиру понравится.

– Рина, он...

– Вито, Амир меня увидит.

Что-то такое было в моём взгляде, что бледность Вито несколько прошла, и он кивнул.

А Фиса напутствовала:

– Ты главное свой страх...

– Я не боюсь этой силы.

– Свой страх перед любовью ему не показывай.

На это я не нашлась, что сказать и быстро вышла из дома. И когда они всё успевают? С помощью Фисы я переделалась очень быстро, а у крыльца уже стояли машины: наша, длинная серебристая, и два джипа-танка. Из одного мне улыбнулась Ася, и я возмущённо обернулась:

– Зачем?

– Рина, мы не будем это обсуждать.

Он был неумолим, открыл дверцу машины и поднял бровь, может помочь жене вождя. Я хмыкнула и решила не спорить, всё равно не послушается, для него жизнь Аси не сравнима с моей. Значит, мне нужно себя держать любым способом.

Оказалось, что я что-то уже решила за дни лежания, слова Фисы только всколыхнули это решение. Моя смерть на самом деле ничем бы не помогла Амиру. Явно сам вождь иначе понимает роль силы пещеры, он не сомневался в своем поступке, решимости официально ввести меня в свой гарем. Это лишь демонстрация новым хасам, что он чтит традицию, но и только, он не зря сказал эти слова перед ритуалом – в гареме я буду единственной женой. И его словам можно верить, он меня никогда не обманывал. То, что произошло на ритуале, даже если бы он и пришёл в себя после моей добровольной жертвы, не может примирить его с силой пещеры, слишком уникального вождя она создала. Или он стал таким за эти столетия борьбы. Вождь может принять помощь силы, но никогда не подчинится ей.

Я смотрела на пронсящий мимо пейзаж и не знала, что скажу Амиру. Почему-то верила, что он услышит меня, что он на самом деле всё слышит и понимает, только двигаться не может.

Мы практически на полной скорости влетели в тоннель и долго ехали почти в полной темноте, лишь иногда мелькали едва заметные на такой скорости огоньки. Такое ощущение, что машина не касалась земли, никакого звука шуршания шин по гальке, только лёгкий гул скорости. Очередной раз убеждаюсь – это другой мир, неизвестный, но уже не тёмный, его заселили удивительные создания, и в нём ко мне пришла любовь. Я знаю, что скажу Амиру.

Когда машина остановилась, вокруг нас сразу стало светло, луч прожектора осветил только часть пещеры, всё остальное пространство скрывала темнота. Как только я открыла дверцу, около меня появился Алекс.

– Здравствуй, Рина.

– Здравствуй. Как Амир?

– Я провожу.

Он подхватил меня на руки и скрылся в темноте, которая уже не пугала: где-то там был единственный на весь мир мужчина, которого я люблю и спасу даже ценой своей жизни.

Амир лежал на каменном постаменте в центре небольшой ярко освещённой факелами пещеры. Спокойное лицо, лишь уголки губ чуть опущены, как будто он чем-то разочарован или недоволен. Я подошла и попыталась взять его руку, но не смогла, она была как часть статуи, недвижима и холодна. Опустившись на колени, я положила все ещё горящую после пощёчины Фисы щёку на эту ледяную руку.

– Амир, вот я и пришла, сама пришла, ты добился своего. Я всё гордость изображала, недотрогу строила, а сама... я глупая трусиха. Мари знаешь, как меня обозвала? Храбрая трусишка, смешно, правда? Только я не храбрая, совсем не храбрая, страха во мне больше, поэтому я... бежала от тебя, стремилась к тебе и сразу убегала. В оледенение организма, разборки всякие, обиды. А ты всё от меня терпишь, смотришь своей голубизной и терпишь. На самом деле я счастлива, понимаешь, счастлива, что всё так произошло, что на эту экскурсию поехала, что оказалась в пещере и... и ты появился в моей жизни. Я ведь раньше даже представить не могла мужчину своей мечты, у меня даже мечты-то не было, я не знала, какой он должен быть – идеальный мужчина. Ну, для меня идеальный. И мечтать перестала, даже не об идеальном мужчине... просто мечтать. А сейчас мечтаю, каждый момент мечта. Сейчас, например, мечтаю о том, что мы с тобой поедem куда-нибудь, в какое-то красивое место, ты всегда меня так удивляешь поездками, а я ведь раньше никуда не ездила. Или в нашей беседке многогранной посидеть, Мари позвать, Вито, Алекса и Роберта, Фису с Яной, конечно, да песни петь, видишь, как нас много стало, целый хор получится. Хочешь, я тебе спою?

Я удобнее устроилась рядом с постаментом и положила ладонь на руку Амиру.

– Слушай.

Я так хочу, чтобы ты был со мною, чтоб я могла припасть к твоей груди.

И в забывши услышать над собою: «О, жизнь моя, стой! Не уходи!»

Дай руку мне, смотри не отрываясь, но этих грез отрадных не буди;

Оне одно твердят теперь, ласкаясь: «О, жизнь моя, постой! Не уходи!»

Не в силах я прервать очарованья, пускай грозит мне горе впереди,

В душе живет одно твое признание: «О, жизнь моя, постой! Не уходи!»

Допев последние слова, и откуда силы взялись не заплакать, я прошептала:

– Я так благодарна Фисе, что она научила меня петь. Потому что в песне могу сказать тебе то, о чём никогда не решусь говорить в обычном разговоре. Ты вспомни, я и на балах пела тебе, не гостям всяким, а тебе, чтобы думал обо мне, вспоминал. Конечно, я пою ужасно...

– Рина...

Шёпот Амира был таким тихим, что я едва его расслышала, больше отреагировала на руку, ставшую горячеей.

– Амир, ты слышишь меня? Амир, я здесь, я рядом!

Я вскочила и стала целовать лицо, глаза, щёки, даже в нос попала в лихорадке возбуждения. Кожа стала теплее, больше похожа на живую, состояние статуи постепенно уходило, и я прижалась к Амиру всем телом:

– Я согрею тебя, ты только не молчи, говори, я так хочу услышать твой голос...

– Рина...

– Вот и хорошо, вот и жив, какое счастье, я такая трусиха, я такая дурочка, Амир, ты прости меня за всё, за то что было, и за то, что я ещё натворю. Я такая, ты же знаешь, только знай, я рядом, я всегда с тобой...

– Рина, Амиру нужно срочно восстановиться. Стефан.

Меня кто-то оторвал от Амира, и я мгновенно оказалась у машины.

– Рина, Амир восстановится и придёт сам.

Радостный, улыбающийся во всю ширь Стефан прижимал меня к себе и не выпускал из рук. Я пыталась вырваться:

– Я помогу,пусти меня, вдруг ему опять станет плохо, я должна быть рядом...

– Рина, всё уже хорошо, он восстановится и придёт, он не один, там Вито, Алекс, он не один. Ты о себе думай, если тебе станет плохо...

– Нет! Ты прав, я... всё будет хорошо, правда?

– Правда. Ася.

– Нет! Не надо Асю, со мной всё хорошо, она слабеет, не надо Асю, я сама. Ася, не ходи сюда, я сама.

Я глубоко задышала, пытаюсь успокоиться, Стефан прав, мне нельзя рухнуть, нельзя позволить обычному волнению взять надо мной верх. Мне ещё с этой силой бороться придётся. И эта мысль всё расставила по местам – сила уступила, но это временная победа. Она не может просто так отдать вождя своего народа какой-то непонятной тётке, обычной батарееке, что-нибудь обязательно ещё будет, какой-нибудь... а почему тогда она Амира отпустила сейчас? Пора, вождь не может надолго оставлять свой народ. Какая-то мысль пронеслась в голове, что-то такое, батареека, что-то с этим связано. Точно! Она не может сама его привести в сознание, лишит может, а... Амир ей не подчинился! На самом деле он ждал меня! Именно меня! Он тоже её наказал: раз посмела так с ним поступить, так и оставайся сама со своей силой, а я буду ждать её, ту, которую сам выбрал.

Амира всё не было, я уже начала беспокоиться, и чтобы чем-то отвлечься спросила Стефана:

– А кто здесь ещё есть? Мари здесь?

– Уже нет, она была, но как только Вито позвонил, что ты едешь, сразу улетела.

Он странно посмотрел на меня, даже губу закусил, что-то хотел сказать, но, не имея приказа рассказывать, смутился.

– Стефан, почему Мари не дождалась Вито?

И он решился, посадил меня в машину на заднее сиденье, сел рядом и закрыл её на все замки. Я удивлённо наблюдала за его манипуляциями, и вдруг поняла: в машине глушитель, он не хотел, чтобы нас слышали.

– Мари теряет сознание в присутствии Вито.

Я замерла от ужаса, подозрение Фисы было обоснованным – сила уже нашла для Мари нового жениха. А Вито это знал, но не стал нам говорить, оберегая меня от переживаний и лишних волнений.

– И началось это после ритуала?

– Видимо да, потому что Мари упала, когда Вито был на ритуале. Она была с нами в этот момент.

– И как она?

– В первый раз её мутанты привели в сознание, а когда появился Вито, то только Алекс и смог, у мутантов ничего не получилось, она не реагировала на их энергию.

– А почему меня Ася... она же мутант?

– Не знаю, но Вито самый сильный, а он всё время был с тобой.

– Да, он через неё мне энергию передавал, ты прав. А где Роберт?

– Здесь он не появлялся.

– Почему Амира всё нет?

– Амир... он... не получал крови всё это время. Ему нужно время восстановиться.

И я вздрогнула: он ирод, ему нужна кровь, человеческая кровь, чтобы восстановиться. Не поест, а восстановиться. Никогда я больше не видела никакого намёка на кровь, только один раз Амир кинул мне на колени пакет с кровью, чтобы рассказать о себе. Теоретически я помнила, что они питаются кровью, но ни разу не видела этого процесса, просто никто со мной не ел за столом, и я уже привыкла, что они... не привыкла, а решила для себя, что они где-то отдельно от меня едят. О крови я больше не думала, как о питании тех, кто рядом со мной. И даже их способности уже меня не удивляют. Я приняла этот мир, я в нём живу, я в нём люблю.

– Рина, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, со мной всё хорошо. Почему Амир так долго не идёт?

– Он придёт.

– А это долго... восстанавливаться?

– Нет... но Амир долго не получал крови, неизвестно...

– Скажи мне!

– Я не знаю.

Стефан умоляюще на меня посмотрел, действительно, что я к нему пристала. Его задача меня охранять и не пускать туда, где быть не должна, он и так много мне сказал. Только чтобы не смотреть тоскливо в темноту, я спросила:

– Стефан, а как там твой отец? Мне очень понравилась беседка, передай ему от меня благодарность.

– Он будет рад, ты...

И замолчал, опустил глаза и улыбнулся.

– Что – я?

– Ты ему очень понравилась.

Теперь уже я улыбнулась, приятно услышать такое, особенно если Влад и видел меня всего несколько минут.

– Отец сказал, что ты настоящая женщина, жена для Амира.

– А как получилось, что Амир... я знаю твою историю, Амир рассказал.

– Он спас меня, забрав в свой клан. И отцу помог, предоставил возможность заниматься своей наукой.

– А почему спас?

– Я был сложным ребёнком.

Чтобы не рассказывать о своём трудном детстве Стефан вышел из машины и сразу сказал:

– Амир идёт.

Я стала хвататься за ручку в машине, ещё никого не было видно, и Стефан помог мне выйти из машины, но взял на руки.

– Он идёт сам.

4

Сила продумала всё – вождь может действовать, но приблизиться ко мне не может, так же как и Вито к Мари. Стоит ему ко мне подойти ближе, чем на пять метров, и я сразу теряю сознание. В пещере я кинулась к появившемуся из темноты Амиру, но сделав несколько шагов упала. В сознание меня привела Ася.

Домой мы ехали на разных машинах. Амир был явно предупрежден Вито о возможном воздействии на меня силы, но не смог уйти, я успела заметить его сияющие глаза и протянутые ко мне руки. О том, что Амир едет в другой машине мне сказал Вито.

– Ему нельзя к тебе подходить, не ближе пяти метров.

Они и это рассчитали. Я сжалась в комочек и отвернулась к окну. Вот такая иезуитская месть силы своему непокорному вождю. Смотри, говори, но близко подходить не смей, у тебя другая наречённая есть. Но хоть живой и в сознании, а всё остальное не важно, пусть будет, как будет. Пусть уходит к Ани, живёт с ней долго и счастливо, любит её, я сделала своё дело, теперь можно и исчезнуть. Я думала эти мысли, а сама видела сияющие глаза Амира, они были яркими и счастливыми, и руки тянулись ко мне вопреки явной опасности.

Но в наш дом мы не поехали, Вито вдруг сказал:

– Рина, мы едем в другое место.

– Почему?

– В дом тебе нельзя. Приказ Амира.

Конечно, как я не подумала, там же кругом сила: ковры, цветы, орнаменты, стол этот разговорчивый.

– А куда?

– В другой дворец. Его укрепят, пока мы едем.

– Далеко?

– Да. Поспи.

Мне казалось, что я не смогу уснуть, но монотонное движение в наступивших сумерках на сумасшедшей скорости утомило, и я не заметила, как уснула.

Разбудил лучик света, я потянулась от удовольствия, организм отдохнул и требовал завтрака.

– Доброе утро.

Я подняла голову и увидела Амира, он сидел в кресле у окна и смотрел на меня теми же счастливыми светящимися голубыми глазами.

– Доброе... утро.

Мгновение и я вспомнила всё, мой взгляд лихорадочно прошёлся по полу, до окна не знаю, сколько метров, о, ужас – сколько там Вито говорил, пять, или нет? Амир понял, о чём я думаю и сразу уточнил:

– Рина, до меня семь метров. Лучше встань с постели с другой стороны.

Но я осторожно опустила ноги с его стороны, прикрыла их одеялом, и, вздохнув, спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

И так улыбнулся, что я смутилась, от смущения рассердилась и проворчала:

– Вот, теперь не только мне... а то я всё больная была. Приятно.

Амир расхохотался, вскочил с кресла, но остановился и завел руки за спину. В этом движении было так видно его стремление обнять меня, прижать к себе, что я опустила голову и покраснела. И что теперь – смотреть друг на друга? Я столько ему наговорила в стремлении привести в сознание, и говорила правду, а как только он оказался рядом, не знаю – как себя вести.

– Рина, ты спасла меня.

Я быстро взглянула на него и опять опустила голову.

– Мы найдём выход, нас много... целый хор.

Он всё слышал, о, ужас, он всё слышал и помнит! А я ведь как раз этого и добивалась, чтобы услышал. Наверное, если бы он меня сейчас обнял и поцеловал, говорить было бы легче, откровеннее, или не говорить вообще, но на расстоянии опять оказалось сложно и непонятно.

– Амир... я... всё... ты ведь не обязан, я только спасти тебя хотела.

– То, что ты мне говорила – правда?

Пронзительный и очень счастливый взгляд, а руки уже с трудом удерживаются за спиной, плечи выдают, время от времени двигаются в попытке остановить себя. И я не выдержала этого взгляда и этого стремления к себе, едва слышно прошептала:

– Да... но... Амир, это я... но ты... Ани тебя спасёт, а я... только...

– Ты моя жена, единственная на все времена. Мне больше никто не нужен. Никто.

Последнее слово произнёс вождь, сильный, уверенный в себе и своих силах. Он никому не позволит диктовать себе условия, даже силе своего возрождённого народа. Будет искать выход и найдёт его, перевернёт весь мир и обрушит скалы. А я вдруг вспомнила, как Фиса назвала место с силой тазиком – была, видела и ощущала. И тоже не боится.

– Я ничего не прошу... Амир... это ваша сила... я хочу только одного, чтобы ты был жив и здоров, и... счастлив.

– Я знаю. Теперь я это знаю.

Мне от волнения стало трудно дышать, и я лихорадочно вздохнула, Амир сразу встревожился:

– Что с тобой?

– Всё хорошо, это я... от голода, есть очень хочется.

Спрятавшись от этого счастливого сияющего взгляда, я вся прикрылась одеялом и робко взглянула на Амира:

– А здесь есть бассейн?

– Есть. Яна.

Обойдя кровать на приличном расстоянии – я думаю, до миллиметра ровно пять метров – Амир ушёл, не отрывая от меня глаз до самой двери. Яна появилась в спальне сразу, как только вышел Амир.

– Яна! Как я рада тебя видеть!

– Здравствуй, Рина.

– Где мы?

– Это один из дворцов Амира.

– Ясно. А где бассейн?

Она открыла одну из панелей, которая оказалась дверью, и там плескалось маленькое море. Волна, здесь была волна, а вокруг песчаный пляж. Я даже замерла на мгновение на пороге – маленькое море с островом в центре, даже пальма растёт.

Яна с трудом уговорила меня выйти из воды, я плавала вокруг острова, загорала под пальмой, и пыталась достать бананы.

– Рина, это...

– Я знаю, что они искусственные, но так хочется сорвать...

Прыгать мне оказалось тяжело, сказались всё-таки всякие разные переживания. Яна не выдержала, одним мгновенным движением сорвала связку, и я смогла потрогать твёрдую поверхность банана.

– А жаль...

Только после этого разочарования я смогла пойти завтракать. Я вовремя вспомнила слова Фисы, что к мужу в халате не ходят, и вместе с Яной выбрала себе платье. Гардеробная соответствовала спальне, гигантских размеров во все стороны, и я задала Яне вопрос, который давно меня интересовал:

– А кто всё это великолепие шьёт? И ещё в таком количестве, мне ведь столько не надо.

Она только улыбнулась:

– Клан внутренней охраны.

– Кто?

– Внутренняя охрана подразумевает много функций, одежда в том числе.

– То есть...

– Всё, что связано с обслуживанием владений Амира относится к этому клану. Охрана, транспорт, питание, одежда.

Я задала глупый вопрос:

– А бассейн?

– Тоже.

И, наконец, поняла ответ Амира, что мой самолёт не имеет отношения к истребителям, то есть клану боевой авиации. И вообще: стирка, уборка и чистка картошки.

– А кто готовит еду?

– Люди.

– Здесь есть люди?

По тому, как Яна опустила глаза, я догадалась – вопрос неправильный и ответу не подлежит. Хотя, чему опять удивляюсь, они же не едят, а восстанавливаются, значит, для меня, Фисы и Мари должны готовить люди. Но Яна неожиданно ответила:

– Они служат у Амира уже много лет.

– Служат Амиру? Люди?

– Да.

Ещё одна тайна великого вождя. Я уже открыла рот, чтобы задать очередной глупый вопрос, но сразу закрыла: никогда Амир не позволит мне познакомиться с кем-нибудь из людей, особенно тех, кто ему служит. Видимо и Яна теперь мои мысли читает на лице, потому что сразу кивнула и добавила:

– Их никто из гостей никогда не видел и не увидит.

Я хотела уточнить, что вообще-то я хозяйка дома, но вовремя одумалась – о чём речь, какая хозяйка, даже не знаю, где очередной дом находится.

– Яна, а мы ещё в Италии или уже неизвестно где?

– В Италии.

Вот так всю Италию и объездила, дворцы и домики... не жизнь, а мечта. Правда больше в бессознательном состоянии провалялась, да от боли корчилась.

– Рина...

– Яна, всё хорошо. Ну и какое платье нам больше всего понравилось?

Так как спальня была по меркам Амира обставлена скромно – лишь гигантская кровать в центре небольшого зала размерами со стадион, чтобы пять метров были везде, а лучше семь, да два кресла у окна – то я была готова к подобному и в столовой. Но я ошиблась, столовая соответствовала представлениям Амира о роскоши. То есть восточной роскоши, к счастью без

ковров. Этакая диванная столовая: в центре стол, вдоль стен широкие диваны в золотых тонах с павлинами. А на стенах гобелены в тех же тонах с отливами красным. Я даже сощурилась от этого сверкания. Амир восседал на одном из диванов и улыбался.

– Не нравится?

– Сверкает...

Улыбка стала ещё шире, и в руках появился пульт, сверкание стало угасать, а стены приобрели приятный кремовый оттенок. От стола до дивана явно больше пяти метров. Вот так и будем существовать на расстоянии, кстати, очень сложно оказалось. Амир сидел в расслабленной позе, никакого напряжения, ослепительная улыбка и яркая голубизна глаз. А я, сев за стол, сразу скукожилась вся, руки мелко задрожали, и мне пришлось опустить их на колени.

Стол был уже сервирован, и я обрадовалась, что посуда не золотая, хоть вилку поднять можно без напряжения моих ещё слабых рук. Я вдруг почувствовала себя очень уставшей, какой-то больной, хотя только что с удовольствием плавала в маленьком море с островом. Улыбка сошла с лица Амира, и он вскочил:

– Что с тобой?

– Я, наверное, устала после бассейна, поем и всё будет хорошо.

Только есть я не хотела, голод исчез, а усталость давила всё сильнее. Амир так и стоял, не пересекая невидимую пятиметровую границу, смотрел на меня тревожным взглядом. Я попыталась есть, но еда казалась совсем невкусной, вернее безвкусной, и вскоре отодвинула от себя блюдо.

– Яна.

Сразу появилась Яна и встала рядом со мной.

– Отнеси Рину в спальню.

– Не нужно... я сама... Яна, я сама.

Она меня не послушала и через мгновение я лежала на своей постели. Амир встал у двери и взгляд уже не был сияющим.

– Рина, меня не будет несколько дней.

– Хорошо, я понимаю, дела.

Он медленно кивнул, много чего собралось за дни его лежания в пещере. Мы оба понимали, что это сила так мстит, даже пять метров для неё мало, я буду постоянно терять силы в присутствии Амира. Пока не погибну. Амиру дан выбор – уйти к указанной ему женщине, или самому убить меня.

Нескольких дней оказались пять. Со мной была только Яна, никто не появлялся, еду мне приносили в спальню. Я спала, ела, много плавала и думала. Как только Амир ушёл, мои силы вернулись, аппетит кстати тоже.

Мыслительный процесс не прошёл даром, я поняла, что Амир не отступит и дело не только во мне. Сила, так же, как и он, проснулась от некоего сна во время отсутствия народа хасов. Защищая их все эти столетия, она ими управляла, и гарем входил в систему управления народом, так как только любовь могла заставить человека кардинально изменить свою жизнь. И в первую очередь этот запрет на любовь касался вождей. Сила находила для них женщину, она отдавала свою силу и жила в гареме, потому что шарик не подразумевал чувства. Может среди членов племени и была любовь, у вождей она исключалась. Ребёнок не может научиться любить, если он никогда не видел своей матери, и воспитывался только как вождь. Из вождя делали робота, боевую машину по управлению целым народом. С голубым шариком в руках.

Мне вспомнилась Заряна, свободолюбивая славянская девушка. Никакое рабство, никакой гарем не смогли задушить в ней чувство собственного достоинства, пережив насилие над телом, душу она не отдала. Предпочла смерть, потому что понимала – её не отпустят. И даже не потому, что она родила дочь для вождя, девочки никого особенно не интересовали, а потому что нельзя допустить прецедент свободного волеизъявления, воли вообще. Удар судьбы для

Амира и силы – именно она своей кровью могла спасти народ от гибели, система погубила сама себя. Исключив любовь из отношений, которая сама по себе является жертвенным чувством, сила народа уничтожила сам народ. Поэтому появилась эта страшная болезнь – показать силе, что народ может исчезнуть без любви.

Но почему хасы именно сейчас стали появляться? Ведь сама кровь очищается от многотлетних примесей других народов, что могло подтолкнуть процесс? Дело в вожде? А что с вождем такое, почему... Мари и королева. Королева спасла Мари своей любовью, своей жертвой ради дочери врага. Этим она перевернула понятие жизни у вождя, никогда не знавшего любви.

Но как-то я опять забыла, что вождем-то, между прочим, ирод. Амир не человек многие сотни лет. И это силу устраивало, она ему помогала сохранить жизнь Мари. А сейчас, когда народ возродился, сила опять стремится им управлять, вождем и мужчиной. Получив мою энергию, он получил возможность жить еще сотни лет и вернуть народу своё былое величие, на этом моя функция должна была закончиться. Только с Амиром что-то произошло за это время, характер изменился, да и пример королевы и Глеба оказался заразительным, ему захотелось настоящей любви. Может быть именно то, что всё произошло очень быстро, всё сразу – жажда; переход на донорскую кровь, которая их так сильно меняет; я, вся такая непредсказуемая; проявившаяся одновременно с жаждой чувственность и совершили этот переворот в сердце Амира. Я не верю, что он меня любит, но уверена, он уже хочет почувствовать это состояние, стремится к нему и уступать на своем пути к любви не будет никому. Он спасал меня, готов был заплатить своей жизнью за мою жизнь и теперь не подчинится ничьему приказу. Амир действительно выбрал меня. И защищая свой выбор, будет защищать, не так, демонстрировать силе, что времена изменились, теперь уже только сам вождем пишет правила жизни для себя. Пожалуй, не только в отношениях мужчины и женщины, но и правилах управления возродившимся народом хасов.

Я уже с трудом справлялась со своими мыслями, понимание положения это одно, а жизнь в этом понимании совершенно другое. Как себя вести в этом понимании? Что сказать Амиру? Люблю на веки, только твоя? И надолго меня хватит, если мы дня не проводим без разборки и выяснения отношений. По моей инициативе, между прочим. Особенно теперь, когда всё неизвестно и непонятно, да ещё и на расстоянии. Я вдруг осознала, что скучаю по его рукам и губам, по этому голубому взгляду и смешинке, даже по усмешке и иронии. Просто скучаю без него.

Рассматривая себя в зеркале, я мрачно заявила Яне:

– Позор для вождя иметь такую жену.

Она широко распахнула свои прекрасные глаза, но ничего не осмелилась мне сказать.

– Яна, ты не видела Ани...

– Видела.

Теперь уже я удивлённо на неё посмотрела, она отчиталась:

– Мы встречались с ней.

И плотно замолчала, совершенно не важно – где и по какому поводу. Но что-то промелькнуло в глазах Яны, и я насторожилась.

– Расскажи мне о вашей встрече.

– Рина...

– Расскажи.

Теперь я уже точно убедилась, что-то не так, Яна чистая и беззащитная душа, и этой душой чувствует людей. И не людей тоже. Она поняла, что я безоговорочно требую ответа и рассказала:

– Мы с Алексом сопровождали Амира в его поездке к Андреэ Бальзаку, и я осталась с Ани вдвоём. Она всё время спрашивала о тебе... какая ты.

И опять что-то промелькнуло в её не умеющих лгать глазах.

– Говори.

– Она удивилась, что ты призвала меня в ближний круг.

– Почему? А откуда она об этом узнала?

– Амир представил меня официально.

Я сразу поняла, почему Яна не хотела говорить.

– Потому что ты мутант?

– Да.

Чистота крови. Мутантам не место рядом с женой вождя. И рядом с вождём тоже. Я подошла к Яне и обняла её:

– Ты удивительная и прекрасная. Ты лучшая в мире польская королева.

И вспомнила слова Ани, что я не могу быть обычной, потому что Амир меня выбрал. Какое, однако, будет для неё разочарование, когда она узнает, что я на самом деле самая что ни на есть курица беспородная. Ага, мало того, что крестьянка, так ещё и разведена. Яна едва слышно вздохнула, и я решила её отвлечь от тяжёлых мыслей.

– Вот что, давай-ка посмотрим, что такого интересного внутренняя охрана для меня нашла, всё равно делать нечего до приезда моего мужа. А кстати, Алекс тоже уехал?

– Да, он уехал с Амиром.

И такая милая смущённость, глаза засветились, на щеках появился румянец. Ой-ой-ой, мне кажется, что они как-то умудряются общаться, несмотря на всякие безобразия со мной. Я неправильная жена вождя, совсем не замечаю, что происходит с моим ближним кругом.

– Яна, он очень хороший.

Она смогла только кивнуть головой и зарделась как маков цвет. Я закружила её по комнате и чмокнула в щёку.

– Вы удивительная пара, такие красивые оба... такие...

– Рина... я хотела тебе сказать.

– Да, я слушаю тебя.

Я уселась на постель, несколько раз глубоко вздохнула, что-то опять не стало хватать воздуха. Яна опустила передо мной на колени и взяла за руку:

– Рина, я так тебе благодарна...

– Стоп. Яна, ты уже столько раз меня спасала, что счёт идёт в другом направлении, даже если я тебе в чём и помогла, как ты говоришь. Только мне нечего тебе подарить. Пошли платья смотреть.

Но встать не смогла, слабость навалилась тяжёлым одеялом, и я повалилась на постель. Амир вернулся.

Совершенно недвижимая, не только встать, губами шевельнуть невозможно, я наблюдала, как стремительно появился Амир, что-то сказал Яне и накинул издалика на меня какую-то ткань. Она была прозрачной, и сама обернулась вокруг меня, что-то вспомнилось, но Амир взял меня на руки, и я сразу отвлеклась, прижалась к его груди.

– Как ты?

– Хорошо. Я ждала тебя.

– Эта ткань защитит тебя от воздействия Силы. Вито.

В комнате появился Вито с несколькими созданиями, от вида которых я сразу в ужасе закрыла глаза. Кальмары с человеческими лицами.

– Рина, пошевели рукой.

Рука шевелилась, и слабость ушла, но я не сразу смогла заставить себя открыть глаза, только немного успокоившись от тепла груди Амира и его сильных рук, посмотрела на вошедших. Их было трое, очень высокие, Вито был ниже их на голову, тела как тумбы на щупальцах, и человеческие головы на короткой шее. А вместо рук такие же длинные тонкие щупальца.

Они были женщинами, не знаю, как я это определила – потому что волос на их головах не было и черты лица скорее угадывались, чем указывали на пол существ – но именно женщины.

– Амир, а как их зовут?

Он потёрся о мою голову щекой, прижал к себе сильнее и прошептал:

– У них нет имен.

Я сразу подняла голову и наткнулась на его губы. Даже сквозь ткань чувствовался огонь, бушующий в нём, поцелуй встречи и тоски. Он тосковал по мне, по моим губам и так же как я стремился вновь увидеть и коснуться.

Не знаю, сколько прошло времени, когда я опять стала понимать действительность после поцелуя Амира, ткань не помешала нам чувствовать друг друга. Существа стояли вокруг нас, сплетясь щупальцами – круг защиты от силы хасов. Амир сел на пол и прижал мою голову к своей груди, судя по учащённому дыханию, поцелуй на него тоже сильно подействовал.

– Я тосковал без тебя.

– Амир... я... ждала тебя.

И вдруг тихий смешок, и неожиданный вопрос:

– Ты всё ещё хочешь, чтобы я женился на Ани?

– Нет.

Мой скорый ответ удивил его, и он поднял моё лицо, внимательно посмотрел яркой голубизной.

– Не хочу. Она недостойна тебя.

– Недостойна?

Голубизна потемнела, и взгляд стал жёстче, появился прищур вождя. Я решила сразу объяснить:

– Чистота крови не является показателем отношения к кому бы то ни было.

– Яна?

– Хоть кто.

Он видимо сразу вспомнил поездку и что-то уложил в мыслях, взгляд посветлел, и появилась мягкая улыбка. И опять неожиданный вопрос:

– Ты хочешь им дать имена?

– Да. Они разговаривают? Ну, могут говорить, понимают меня?

Я сразу оживилась, захотелось уйти от разговора об Ани, вдруг он начнёт упрекать меня в том, что я заставляла его жениться на ней, не обращая внимания на его собственное желание. Амир ещё смотрел на меня задумчивым взглядом, когда прозвучал скрипучий голос:

– Я понимаю тебя, жена вождя.

Вождь поднял голову и удивлённо взглянул на создание, которое заговорило без его разрешения. Чтобы защитить её, всё-таки это она, от недовольства вождя, я сразу спросила:

– А как вы называете себя? Вы же как-то обращаетесь друг к другу?

Она произнесла свистящий звук, мне это не произнести, и я вздохнула:

– Мне так...

– А ты назови их сама.

Вождь решил простить самоуправство, хорошее настроение победило, и он уже улыбался. На всякий случай я решила уточнить, вдруг ошибаюсь в определении пола:

– А вы...ведь вы женщины?

– Да.

Что-то изменилось в пространстве, как-то энергия поменялась. Амир это тоже почувствовал, сначала тревожно оглянулся, но понял, что в этом изменении для меня нет угрозы, и успокоился. Обрадовавшись, что оказалась права, я спросила:

– А откуда вы?

– Балтийское море.

- Вы живёте в море? А как же сейчас вы дышите?
- Мы можем жить везде. Мы мутанты.
- Ну, это не важно.

Я махнула рукой и задумалась, а как их назвать, они абсолютно одинаковые, я пока не заметила никаких отличий, не номера же указывать. И вдруг имена вспыхнули в голове, правильно, только так:

- Вы будете Вера, Надежда и Любовь.

Удивление Амира не передать словами, глаза стали как два блюдца, а брови поднялись на недостижимую высоту – маска изумления. Приятно после долгой разлуки так поразить мужа. Насладившись видом, я объяснила своё решение:

– Понимаешь, они связаны, эти имена, так же как они сейчас стоят, объединившись, так и имена объединены одним смыслом. А вам нравятся эти имена, вы согласны, чтобы мы так вас называли?

Через несколько секунд молчания прозвучал долгий шипящий звук, видимо та, которая понимала меня, переводила значения имён другим. И опять энергия изменилась, стала плотнее, но не давила, а как бы окружила коконом тепла.

- Да, мы согласны. Жена вождя, объясни, почему ты так нас назвала.

Они действительно не боятся Амира, они сами по себе, он для них не вождь на самом деле, это только обращение, они называют меня женой вождя, но никак не соотносят понятие к самому вождю. Для них это только слово.

Я взяла ладонь Амира в свои руки, вот и пришло время озвучить свои мысли за эти дни. Спасибо вам Вера, Надежда и Любовь за то, что я могу это сказать, прижимаясь к нему, чувствуя любимого рядом, а не на расстоянии пяти метров.

– Невозможно любить, если нет веры и надежды. Ведь даже если любовь появляется сразу, от одного взгляда, то обязательно должна быть надежда, что тебя тоже полюбят, а без веры в это любовь не сможет оставаться настоящей... она не выдержит, любовь не может быть одна. Они равнозначны, только вместе, как вы, каждая из вас... сила, которая помогает друг другу. И нам.

Я смутилась, как-то получилось слишком откровенно, как заклинание, и наступившая тишина только усилила моё состояние. Попытку скукожиться Амир сразу пресёк поцелуем, и тихо сказал:

- Ты для меня Вера, Надежда и Любовь.

Шипящий звук продолжался недолго, потом прозвучал тот же голос:

- Вождь, мы принимаем имена. Жена вождя, можешь снять покрытие.

Конкретно и очень по-деловому: имена приняли, дальше работаем. Амир окинул их долгим взглядом, но решил и снял с меня ткань, ничего не изменилось, слабость не наступила.

- Мы будем удаляться по периметру от центра.

Они не спрашивали разрешения, а лишь сообщали о своих действиях. Из комнаты они выходили по одному, неподвижный взгляд последней слегка изменился, и она сказала:

- Я почувствую угрозу энергии для жены вождя.

- Меня зовут Рина.

- Рина, я Любовь. Моей силы хватит тебя защитить.

Она сказала «моей», не нашей, а моей – получила имя, значение которого осознала и приняла, а значит и определила свою силу. И получилось очень символично: Любовь обещала защитить меня.

Амир целовал меня, и его руки сжимались всё сильнее, я вздрогнула и оказалась на постели, а он стоял у окна.

- Прости.

Я испугалась, что он опять исчезнет и сразу попросила:

– Не уходи...

– Я не уйду.

Тронув пальцами припухшие от поцелуев губы, я спросила:

– Как ты их нашёл?

– Искал.

Краткость сестра таланта, Амир очень талантлив. Но всё же от общения со мной у него проявились изъяны, он усмехнулся и сел на пол.

– Я знал, что есть мутанты, которые могут сопротивляться энергии, но мне были нужны самые сильные. Нашёл.

– Они не в клане?

– Нет. Они не входят ни в один клан.

– А как ты их убедил...

– Убедил.

И такая улыбка, что лучше об этом даже не говорить, эту тайну он не откроет.

– Они сами...

– Сами.

Ну да, таких нельзя силой заставить что-то сделать, закроются и всё, или своей энергией помогут понять, что не согласны работать. И теперь очень важный и очень тяжёлый вопрос, я опустила глаза и затеребила свои пальцы:

– Амир... ваша сила...

– Я сам решаю, что и как мне делать.

Он не назвал себя вождем, говоря о силе. Я подняла на него глаза и поразились яркости взгляда, он уверен в себе и своём выборе поведения. Амир мне улыбнулся и признался:

– Впервые о себе я решаю сам. У меня теперь каждый момент что-то впервые. Я учусь жить. С тобой я живу.

– Амир, ты рискуешь...

– Ты однажды уже спрашивала меня, я ответил, что готов рискнуть.

Он всё решил, а теперь будет действовать. И решил за нас двоих, отсек все мои сомнения и страхи, будет слушать, кивать головой, даже соглашаться, но действовать в соответствии со своим решением. Терпеть от меня всё... за мой поцелуй и мой взгляд.

– Амир... я правду тебе говорила тогда, я ни о чём не жалею... я счастлива, что ты появился в моей жизни. Только...

– Только что?

Ни тени сомнения в глазах, что бы я сейчас ему не сказала, он от своего решения не откажется.

– Я не боюсь за себя... за тебя, Мари... ведь она может...

– Не может. Мари уже защищают её Вера, Надежда и Любовь.

– С ней такие же?

– Да.

И как я могла в этом сомневаться, он защищает сразу всех, кто рядом с ним.

– А ты?

– Я ирод, мне она ничего не сможет сделать.

– Ты был без сознания...

Амир опустил голову и долго молчал, а я испугалась и уже хотела встать с кровати, но он тихо признался:

– Тогда ты потеряла много энергии, помочь мог только я.

– Ты отдал мне всё...

– Не всё, лишь ослаб и она ударила.

Я встала, но не успела подойти к нему, он вскочил и оказался рядом.

– Рина...

Сдержаться у него не получилось, и он обнял меня, стараясь сильно не прижимать руками к себе. Коснувшись губами моих волос, прошептал:

– Рина, я хитро-мудрый ирод. Не бойся за меня.

– Ага... лежал...

– Лежал, ждал тебя.

– Ты специально...

Амир вздохнул и признался:

– Нет, к сожалению. Я действительно был без сознания. А ты пришла и спасла меня.

Он не удержался и подхватил меня на руки:

– Рина, не бойся меня... я смогу...

Не смог, очередной поцелуй спровоцировал страстное объятие, закончившееся сидением у окна в позе раскаяния и моими синяками.

Амир ушёл проверять периметр защиты от энергии силы, а я спряталась под одеяло и хихикала. Конечно, синяки побаливали, но радость от его невозможности сдержаться грела душу. Он поражал меня, это уже не просто чувственность проснулась, глаза светились и губы горели – он действительно соскучился. Даже что-то говорил полушёпотом на своем мелодичном языке, как песню пел.

5

Яна залечила синяки не хуже Фисы: завернула меня в ткань, пропитанную настоем трав, долго держала за руки, и утром их уже практически не было. Амир заходил на несколько минут уже ночью, страстно поцеловал, убрал руки за спину.

– Я уеду и вернусь завтра днем.

– Я буду ждать тебя.

Утром мы с Яной много смеялись, Алекс, как оказалось, тоже вернулся с Амиром. Она вся светилась, губы сами растягивались в улыбке, а я радовалась за неё, и за себя тоже. Между делом я спросила:

– А как далеко распространился этот... ну как... Яна... да, периметр?

– Несколько метров от дворца. Они очень сильны.

– Амир сказал, что они сами по себе, не входят ни в один клан.

– Да. Они никогда ни с кем не общались.

– Но они сами согласились помочь нам... мне и Мари.

Яна покачала головой и с сомнением в голосе произнесла:

– Ещё никто не мог заставить их что-то сделать. Алекс сказал, что к ним Амир ходил один.

– На дно?

– Да.

И совершенно нелогично я вдруг вспомнила Дракулу. Тогда я неправильно подумала и рухнула в оледенение, а потом тоже было всякое, не до вопросов.

– Яна, а что с этим Дракулой, который к тебе приставал на балу?

– Его клан теперь вошёл в состав кланов Амира.

Удивительный муж, и когда всё успевает. Заметив тень на лице Яны, я не стала спрашивать о судьбе самого Дракулы. И тут же подумала, что Амиру со мной скучно, мы только спорим и целуемся, а дела никакого. От этой мысли я вздохнула и тяжело опустилась на постель. Яна сразу спросила:

– Рина, что случилось?

– Понимаешь, я... ничем не занимаюсь. У вас всех дела, а я только проблемы создаю, отвлекаю Амира...

Яна опустилась на колени передо мной и странно посмотрела снизу вверх.

– Рина, ты отдаешь свою жизнь, свою энергию. Ты едва жива и...

– Яна...

– Выслушай меня. Ты перенесла столько боли и страдания...

– Я не хочу...

– ...которые нам никогда не забыть. Ты не хочешь вспоминать, а мы помним, всегда будем помнить.

– Всё уже...

– Рина, ты привнесла жизнь в наше существование. Я теперь живу... и люблю. Раньше я только боялась, страх был единственным чувством, которое...

– Яна, да кто же это всё мог пережить...

– Я смотрю на тебя и поражаюсь, как ты никого не боишься...

– Да я этих, ну, которые Вера, Надежда, Любовь, знаешь, как испугалась, даже глаза не смогла сразу открыть.

– А открыла и назвала их самыми главными словами.

– Но я же ничего не делаю! Только лежу...

– Свободна.

Амир стоял в дверях и улыбался своей восхитительной улыбкой. Яна сразу исчезла.

– Значит, ты ничего не делаешь?

Прохаживаясь по спальне, Амир спрятал руки в карманы, чтобы они не тянулись ко мне в стремлении прижать к себе.

– Ну да, только лежу... плаваю... ем...

Амир неожиданно засмеялся, даже лицо руками закрыл, но быстро успокоился и предложил:

– Рина, как моя жена ты можешь присутствовать на Совете народа хасов.

– Совет? Но как... у вас ведь гарем...

– У хасов шестьсот лет назад. У меня только одна жена, жена вождя.

Амир любовался моим изумлением, как, однако, стремительно вождь меняется, настоящая революция. Или он мне что-то доказывает? Что? Я ничего не требую от него. Ну, да, только шантажирую собственным исчезновением из его жизни, причём самым кардинальным образом.

– Амир, я не знаю насколько это...

– Насколько решу я. Ты хочешь присутствовать на Совете?

Я сначала кивнула головой, потом закусил губу, махнула рукой и призналась:

– Хочу.

И тут же испугалась:

– Но я не знаю, как себя вести на Совете...

– Как хочешь.

И мягкая улыбка абсолютной поддержки всего, что я могу учинить. С ним действительно что-то происходит. Он всегда меня прятал, любая поездка превращалась в тайную экспедицию под охраной всевозможной техники, которую я хоть иногда замечала, а которую не видела? Боевики везде, не считая Вито, Алекса и Роберта. И вдруг на Совет, показать меня людям, и не просто людям, а тем, кто возрождает вместе с ним народ. Официальное представление единственной жены?

– Платье для тебя. Яна.

Я настолько глубоко задумалась, что не заметила, как Амир подошёл ко мне, встал на колени и взял за руку.

– Ты самая прекрасная женщина.

Едва коснулся губами пальцев и исчез. Я растерянно подняла глаза на Яну, а она улыбнулась своей милой улыбкой:

– Рина, я помогу тебе одеться.

Когда она открыла коробку, я ахнула – сплошные драгоценности, бриллиантовое многоцветье. И только тогда поняла, что Совет прямо сейчас, удивлённо посмотрела на Яну:

– Совет... мы... сразу?

– Да.

На мой ужас в глазах Яна опять только улыбнулась, и я поняла, что деваться некуда, сама напросилась, надевай тонны на плечи и неси. А платье оказалось очень оригинальным.

Когда Яна подвела меня к зеркалу, я долго рассматривала себя. Дело не в драгоценностях, я воспринимаю их только как светящиеся, правда, очень тяжёлые, стёклышки. Тёмно-зелёный атлас был весь украшен маленькими разноцветными бриллиантами, закреплёнными на золотые нити разной длины, я чуть повернулась, и камешки сразу взлетели веером. Даже не новогодняя елка, хотя цвет платья намекает на это, а как... не знаю – что, или кто. На рукавах поблёскивали такие же украшения, только нити короче. Я подняла руку, и камешки образовали нечто, похожее на крыло. Но общий вид оказался настолько неожиданным, что я осмелилась улыбнуться своему отражению. Тем более, что умелые руки Яны непонятным образом умудрились уложить мои вихры в удивительную причёску. Но больше всего меня поразили мои собственные глаза – они были светло-голубыми. Не такими яркими и пронзительными, как у Амира или Мари, более спокойного тона, но именно голубыми. Вот к чему приводит привычка не обращать внимания на внешний вид. Не так, привычка прятаться, не смотреть на себя, стесняясь собственной внешности.

В комнату стремительно вошёл Амир в чёрном как ночь костюме. Я вдруг подумала: странно, на нём только униформа Тёмных. Но сразу забыла эту мысль, подняв на него глаза. Что-то сегодня произойдёт, какое-то решение Амира очередной раз изменит моё представление о нём, мужчине и вожде. Его глаза были того синего цвета, который бывает в яркий полдень, когда солнце освещает небосвод и своими лучами очищает его от всего, оставляет только чистоту и отражение моря. Он бережно взял мою руку и спросил:

– Рина, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Я готова. Нам далеко ехать?

– Встреча состоится в этом дворце.

Ну да, ведь только здесь меня не может достать Сила народа хасов, на Совет представителей которого я сейчас и иду. Я впервые подумала об этой Силе с заглавной буквы – Сила. Наверное, признала себя соперницей, ух ты, вот это мысль. Не соперницей, а достойной собственной Силы и собственного пути, достойной своей любви. За которую буду бороться с ней.

Амир что-то понял в моём взгляде, наверное, тоже увидел мою решимость, и в его глазах вспыхнуло восхищение, он улыбнулся:

– Ты самая прекрасная женщина в мире.

А вот этого я выдержать не смогла, покраснела и смутилась так, что уткнулась ему в грудь. Он обнял меня, но прижимать к себе не стал, лишь прошептал:

– Наступит время...

Он уже так говорил однажды, когда ещё не чувствовал меня, не чувствовал ничего, лишь мгновением во время поцелуя, спасая от страшной боли. Амир верит, как верил тогда, что наступит время, и он не будет ломать меня в своём объятии, когда его сила отступит, и останется только любящий мужчина. Что-то я сегодня слишком много думаю о возможности его любви, наверное, страх перед Советом так действует.

Амир мгновенно перенёс меня, и мы оказались перед высокими резными дверями. Прозвучал странный звук, и дверцы распахнулись, он взял меня за руку и ввёл в зал. В центре

огромного пространства стоял большой стол, за которым уже стояли люди, они смотрели на нас с удивлением, моё появление их явно шокировало. Именно это удивление помогло мне справиться со своим смущением и страхом. Я жена вождя, раз вождь решил меня вам представить, так принимайте его решение, и моя голова гордо поднялась, а взгляд стал увереннее. Уже подойдя к столу, я заметила Бальзака и улыбнулась ему, а он не смог справиться с собой, изумление изменило черты лица, он как-то даже съёжился, и плечи опустились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.